

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Иллюстрированный
научно-популярный и
литературный жур-
наль любителей
ислѣдователей и
коллекціонеровъ.

Выходитъ 2 раза
въ мѣсяцъ въ гор.
Благовѣщенскѣ на
Амурѣ.

Подписная цѣна:

На годъ 3 р. — к.
„ 1/2 года 1 р. 70 к.
„ 3 мѣсяца — р. 85 к.

Плата за помѣщеніе объявленій:

За одинъ разъ:

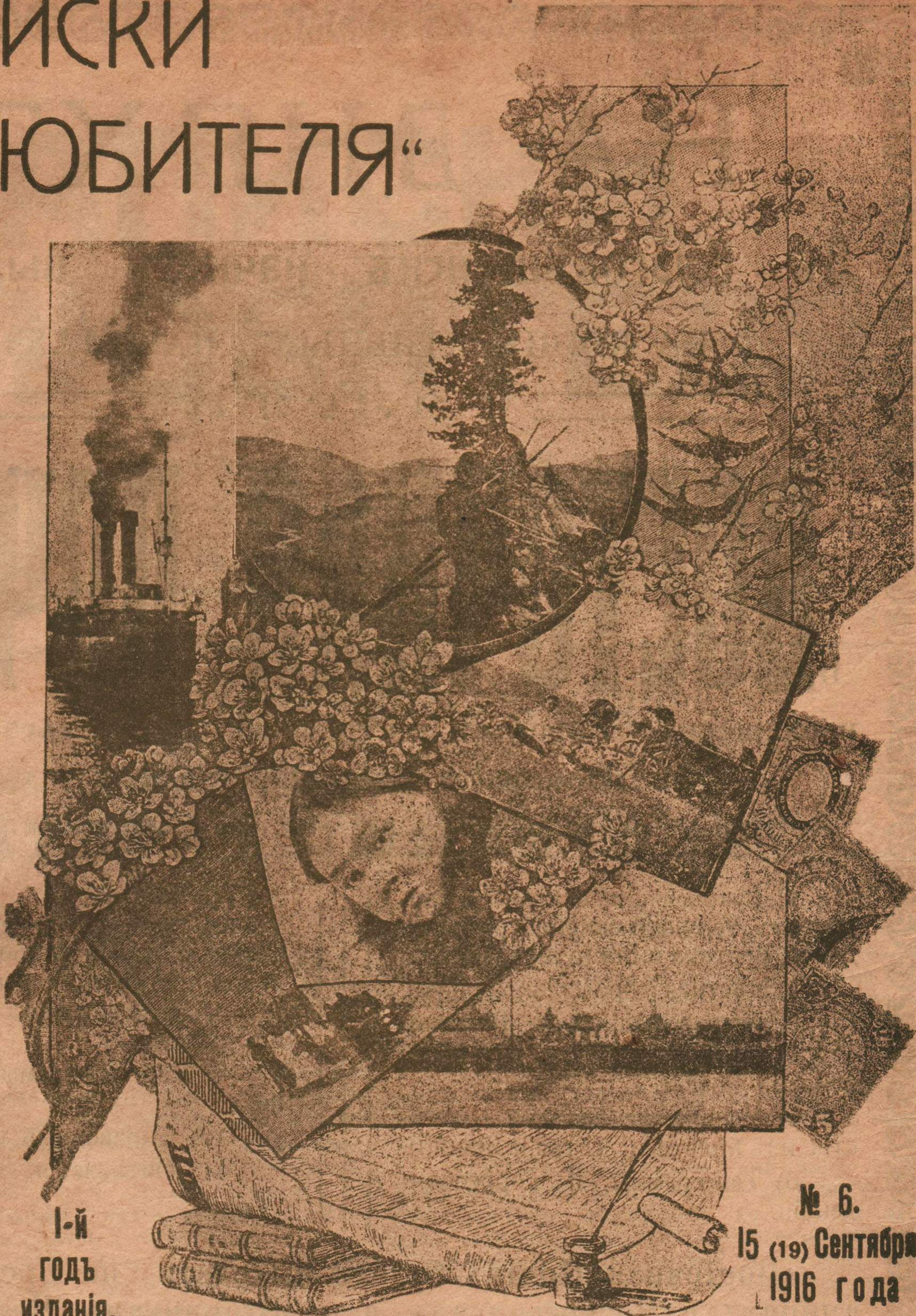
1 страница 20 р. — к.
1/2 » 10 р. — к.
1/4 » 5 р. — к.
1/8 » 2 р. 50 к.
1 строка — р. 15 к.

Многочасныя и на об-
ложкѣ по соглашенію,

Адресъ редакціи и кон-
торы: Благовѣщенскѣ,
Амурская, 72.

1-й
годъ
изданія.

№ 6.
15 (19) Сентября
1916 года

Цѣна отдѣльнаго нумера 15 копѣекъ.

Приглашаются корреспонденты и сотрудники

Слѣдующій 7-й № журнала
„Записки Любителя“
будетъ посвященъ спеціально
Восточно-Сибирскому Университету.

Вся чистая выручка, отъ помѣщенныхъ въ № 6-омъ разовыхъ объявленій
поступитъ на основаніе университета въ г. Иркутскѣ.

Примѣчаніе: Предполагаю посвятить университету настоящій (6) номеръ, но, ввиду того, что не всѣми
сотрудникам и матеріалъ для него былъ обработанъ, рѣшено для этой цѣли назначить № 7-й.

НА ДНЯХЪ

Въ Благовѣщенскѣ начнетъ выходить

НА КООПЕРАТИВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ

газета

„ВОСТОЧНАЯ ПОЧТА“

посвященная вопросамъ текущей жизни русскаго Дальнаго Востока и Восточной Сибири.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ текущей жизни русскаго Дальн. Востока и Восточной Сибири.

2) Мѣстная (городская) хроника.

3) Хроника Дальняго Востока.

4) Хроника Сибири и Европейской Россіи.

5) У нашихъ сосѣдей (извѣстія изъ Монголіи, Китая и Японіи).

6) Телеграммы и корреспонденціи.

7) Кооперация.

8) Народное просвѣщеніе (извѣстія о жизни и событіяхъ культурно-просвѣтительныхъ, научныхъ и профессиональныхъ организацій и учреждений).

9) Торгово-промышленная хроника.

10) Справочный отдѣлъ,

11) Объявленія.

«Восточная Почта» будетъ выходить по Средамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ, а по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ будутъ выпускаться беллетени съ послѣдними извѣстіями съ телеграфа, важнѣйшими хроникерскими замѣтками и срочными объявленіями.

Выпускаться будетъ «Восточная почта» поутрамъ.

Подписная цѣна на годъ 5 рублей, на 1 мѣсяць 65 копѣекъ.

Отдѣльный № въ розничной продажѣ 5 копѣекъ.

Объявленія: Впереди текста 10 коп. позади текста 5 коп.

за строку.

Предварительная запись подписчиковъ (безъ внесенія подписной платы) принимается

въ редакціи журнала „Записки Любителя“ Амурская ул., № 72.

„Восточная Почта“ конкурировать съ мѣстными газетами не будетъ, наоборотъ, будетъ искать содружества ихъ.

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Иллюстрированный, научно-популярный и литературный журналъ любителей-ислѣдователей и коллекціонеровъ.

Выходитъ 2 раза въ мѣсяць въ городѣ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

№ 6.

1916 годъ.

19 IX. (2 X).

Отъ конторы редакціи.

Г. г. Подписчики, подписавшіеся на 3 мѣсяца (съ № 1) Увѣдомляются, что настоящимъ 6 №-омъ высылка имъ журнала „ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“ закончивается.

Мысли вслухъ.

1. Вѣрьте въ себя.

«Вѣрьте въ себя и вы почти будете вѣрны въ своею сосѣда!»—психологическая основа демократіи.

Это легко сказать. Въ сущности же всѣ эти гражданскіе и нравственные рецепты сильно напоминаютъ совѣтъ какъ поймать птичку:—посыпьте, моль, ей соли на хвостъ и она будетъ ваша!

Будьте добренькими и веселенькими! Остальное все само собою приложится и образуется.

Но вѣрять въ себя можетъ лишь тотъ, кто чувствуетъ въ себя силу, *власть надъ стихіей*.

Нельзя вѣрять въ себя, будучи голымъ и голоднымъ, нельзя вѣрять въ себя и въ свою силу, которой нѣтъ, когда стихія хлещетъ васъ на всѣ лады, гоняетъ вѣтрами какъ перекасти—поле.

Вѣрять въ себя безъ помощи водки, дурмана или гашиша можетъ только сила.

А откуда ее взять? Откуда получить «власть надъ стихіей»?

Эту власть даетъ *познаніе стихіи* и управляющихъ ею законовъ, то, что мы называемъ «положительнымъ знаніемъ». Только оно вооружаетъ человѣка современными могучими орудіями воздѣйствія на стихію. Оно совершенствуется глазъ давая ему возможность видѣть и «разрѣшать» туманныя пятна звѣзднаго міра съ одной стороны, а съ другой наблюдать чуть не электроны и химическія молекулы, увеличивая ихъ въ десять тысячъ діаметровъ при помощи ультрамикроскопа. Оно совершенствуется слухъ и голосъ, научая передавать и воспринимать звуки и мысли на тысячи верстъ. Оно удлиняетъ руку указывая какъ взрывать мины на разстояніи и укрѣпляетъ мускулъ, давая возможность однимъ ударомъ парового молота превращать въ флинъ многопудовый кусокъ желѣза.

Сравните психологію моряка прошлыхъ столѣтій на парусныхъ судахъ, гулявшихъ по волѣ вѣтровъ, съ психологіей капитана на современномъ океанскомъ

Левіафанѣ. Кто изъ нихъ вѣрять въ себя? Который изъ нихъ знаетъ, что придетъ благополучно въ назначенный день и часть, какова бы ни была погода? Сравните русскаго «пахаря» съ сохой и молитвой противъ засухи съ американскимъ или австралийскимъ фермеромъ, работающимъ паровымъ плугомъ на искусственно удобряемыхъ и искусственно орошаемыхъ поляхъ. Который изъ нихъ вѣрять въ себя и въ свою власть надъ стихіей. Который изъ нихъ демократъ?

Человѣкъ въ наше время уже мало зависитъ отъ стихіи непосредственно. Теперь, если бы кому уже захотѣлось, можно жить въ теплыхъ и свѣтлыхъ дворцахъ, выращивать бананы и ананасы за полярнымъ кругомъ, не смотря на полярную ночь.

Между человѣкомъ и природной стихіей буферомъ стало *общество*, общественный строй.

Все давленіе «окружающей среды» по полномочію перешло къ обществу и государству. Прежде человѣкъ упирался носомъ въ точильный камень стихійнаго происхожденія. Теперь этотъ камень замѣненъ другимъ изъ искусственнаго карборунда, сфабрикованнаго на Ніагарскомъ водопадѣ: экономическій строй, капиталъ, фабрика, трэстъ, рабочій союзъ. Но человѣку отъ этой перемѣны ни капельки не легче. Эта же «стихія», но въ концентрированной, огульной формѣ. Эта общественная среда развивается такъ быстро и уже до того ушла впередъ, или, скорѣе, человѣческой (не каучуковой) организмъ и психологія до того отстали отъ созданныхъ «окружающихъ условій», что и въ тридцать лѣтъ послѣ рожденія, человѣкъ еще не можетъ оставить гнѣздо и стоять на своихъ ногахъ.

Взгляните на звѣрей и ихъ дѣтенышей, отыскивающихъ себѣ пищу чуть не на другой день послѣ рожденія! Если такъ будетъ продолжаться, то скоро всѣ мы будемъ похожи на тѣхъ китайскихъ ученыхъ, которые еще въ 90 лѣтъ держатъ экзамены и не отчаяваются получить мѣсто.

Ясно, что «приспособляться» дальше къ быстро уходящимъ впередъ условіямъ среды мы уже не можемъ съ достаточной быстротой, что намъ ее не догнать.

Остается только одинъ путь: *приспособлять среду* къ своимъ требованіямъ. Или это или очистить сцену для кого другого.

Чтобы мы могли вѣрить въ себя, намъ нужна власть не только надъ стихіей природной естественной, но и надъ стихіей общественной,

Что дастъ намъ эту послѣднюю власть?

Только положительное знаніе общественной жизни и управляющихъ ею законовъ.

Вѣра въ философскій камень, алхимія создала химію. Вѣра въ вліяніе звѣздъ на человѣческую судьбу, астрологія—астрономію. Убѣжденіе въ тѣсной зависимости судебъ отдѣльной личности отъ общественнаго строя создаетъ социологію, люди начинаютъ убѣждаться, что «моя хата не съ краю». Особенно содѣйствуютъ популяризаціи этой истины предмѣтные уроки, представляемые современными кризисами.

Создаваемая положительная общественная наука даютъ власть надъ стихіей общественной въ той же мѣрѣ и въ той же степени какъ физика, механика и химія надъ природой, которую ошибочно принято считать мертвою.

Ногасаки

Р—Б.

Агинскій дацанъ Забайк. Области.

(Отрывки изъ дневника студента-эскуранта).

Сегодня, (8-го іюля 19... г.) я присутствовалъ при обязательномъ для всѣхъ хуvaraковъ, не получившихъ ученаго званія „гэбши“, обученіи „цаниту“, которое совершалось на паперти Дара-Эхэинъ сумэ,

По своему внутреннему устройству Дара Эхэинъ сумэ большая комната, въ которой стоятъ въ шести рядахъ около тридцати ничѣмъ неукрашенныхъ колоннъ. Впереди, у потолка, висятъ въ двухъ рядахъ полотнянныя изображенія различныхъ боговъ всевозможныхъ размѣровъ

Вотъ выдѣляются три изображенія, приблизительно въ 2 аршина длиной и въ полтора арш. шириной, бурхановъ Очривани, Аюши и Ногонъ-Дара-Эхэ. На передней стѣнѣ, по угламъ, висятъ полотнянныя изображенія другихъ боговъ: въ лѣвомъ углу красуется Дзонхава со множествомъ своихъ послѣдователей; тутъ-же виднѣются картины съ однимъ Дзонхавой, съ Цаганъ-Дара Эхэ и Ногонъ-Дара-Эхэ; въ правомъ углу выдѣляются картины съ тѣми-же Дзонхавой, Цаганъ и Ногонъ-Дара-Эхэ. Въ центрѣ передней стѣны стоитъ большой шкафъ со множествомъ боговъ изъ металла, среди которыхъ центральное мѣсто занимаетъ будда Шигемуни, налѣво отъ него-Очирвани и Цаганъ Дара-Эхэ, а направо—Дзонхава (въ трехъ видахъ разныхъ размѣровъ) и Аюша.

Дара Эхэинъ сумэ служитъ цанитской школой, куда стекаются хуvaraки изъ разныхъ концовъ Забайкалья, пополняя собою населеніе Агинскаго дацана, которое состоитъ исключительно изъ лицъ ламайскаго монашества, т. е. такъ называемой „бѣлой кости“.

Когда я вошелъ въ ограду сумэ, то увидѣлъ тутъ кучками расположившихся хуvaraковъ (въ каждой кучкѣ было около 10 человѣкъ) Всѣ они были одѣты въ свои хуральные дзанжи (родъ мантий) и шисары (шапки). Въ каждой кучкѣ одни изъ хуvaraковъ сидѣли вѣдь, а другіе стояли передъ ними. Послѣдніе, держа четки въ правыхъ рукахъ, какъ-будто наступали на первыхъ: они ударяли ладонями, разводили руками, кричали: „хо ро-ро дись“— и дотрагивались до плечей своихъ сидящихъ товарищей.

На первыхъ порахъ мнѣ показалось, что тутъ идетъ игра, но потомъ я узналъ, что дѣло тутъ заключается въ особомъ диспутѣ.

Стоявшіе хуvaraки являлись совопросниками тѣхъ, которые сидѣли. Каждый изъ первыхъ задавалъ кому либо изъ сидящихъ хуvaraковъ опредѣленный

вопросъ изъ книги (изъ какой-либо части ганьчжура) и, если тотъ не отвѣчалъ, то онъ, ударивъ въ свои ладони, повторялъ свой вопросъ и ждалъ отвѣта; въ томъ случаѣ, когда вопрошаемый не отвѣтилъ и на этотъ разъ, хуvaraкъ совопросникъ, торжественно выкрикнувъ: „хо-ро-ро-дисъ“— повторялъ еще разъ свой вопросъ. При дальнѣйшемъ молчаніи своего противника онъ дотрагивался до плеча его въ знакъ своей побѣды надъ нимъ и переходилъ къ слѣдующему хуvaraку. При удачныхъ отвѣтахъ вопрошающіе хуvaraкъ задавалъ своему противнику за первымъ вопросомъ второй, третій и т. д.

Я пошелъ на паперть сумэ, гдѣ сидѣли хуvaraки и вели разговоръ.

Паперть большая: длина ея равна приблизительно 10 саженьямъ, а ширина 4. Тутъ стоитъ 16 деревянныхъ круглыхъ, окрашенныхъ въ темно-коричневый цвѣтъ колоннъ.

Прошло нѣсколько минутъ, Находящійся на паперти лама блюститель порядка (гэсхый) хлопнулъ два раза руками,—и всѣ хуvaraки собрались на середину паперти и усѣлись рядами въ видѣ полукруга.

Одинъ изъ молодыхъ ламъ, сидящій въ серединѣ, принялъ на себя роль унзата и началъ чтеніе торнистическихъ молитвъ. Молитвы читались недолго, но для многихъ хуvaraковъ, надо полагать, казались утомительными. Утомленію вниманія молящихся способствовалъ и механизмъ чтенія молитвъ: одни читали ихъ, другіе вели разговоръ, третьи дремали.

По знаку гэсхыя чтеніе молитвъ закончилось. Хуvaraки разошлись по оградѣ сумэ и снова занялись своими учеными диспутами

1914г. З. Н.

Легенда о чумѣ.

Въ Забайкальѣ буряты, тунгусы, монголы, а м. б. и другіе обитавшіе здѣсь болѣе древніе народы создали легенду о богатырѣ «Тарбаганъ», обладавшемъ сверхъестественной ловкостью въ стрѣльбѣ изъ лука... Богатырь—стрѣлокъ Тарбаганъ такъ возгордился, что вздумалъ однажды вмѣшаться даже въ дѣла Творца вселенной: вначалѣ было создано три солнца и вслѣдствіе этого людямъ на землѣ было нестерпимо жарко; богатырь Тарбаганъ рѣшилъ исправить ошибку Творца и своей сверхъестественной стрѣлой поразилъ и уничтожилъ два излишне созданныхъ солнца... Возмущенъ Творецъ вмѣшательствомъ Тарбагана въ дѣла творенія и за такую дерзость превратилъ Тарбагана въ звѣрка, который долженъ въ видѣ наказанія ежегодно многіе мѣсяцы лежать подъ землей безъ пищи и питья. Подчинился Тарбаганъ велѣнію Творца и превращенный въ звѣрка богатырь долженъ былъ въ началѣ каждой осени уходить въ подземныя норы для продолжительной зимней спячки... Уходя въ подземныя норы, Тарбаганъ сказалъ: „Ухожу въ землю надолго, не буду тамъ ни пить, ни ѣсть... но свою стрѣлу беру съ собой; горе людямъ, которые станутъ тревожить мой сонъ разрытіемъ моей норы; стрѣла моя будетъ поражать на смерть дерзкихъ нарушителей моего покоя...“

Таковъ результатъ изученія эпидеміологіи монгольской чумы у древнихъ людей, тарбаганъ—носитель и хранитель чумы, т. е. „стрѣлы“, которая поражаетъ насмерть всѣхъ тѣхъ, кто станетъ раскапывать тарбаганьи норы «бутаны». Съ другой стороны, легенда указываетъ на то, что чума въ степяхъ Монголіи и Забайкалья настолько древнее явленіе, что мѣстная народная легенда относитъ начало возникновенія чумы чуть ли не къ начальнымъ временамъ мірозданія... («Сиб. Врачъ»).

Частушка въ Забайкальѣ.

(Продолженіе. См. № 1, 2, 4.)

77. Я поставлю самоваръ,
Золотыя чашки.
Ко мнѣ милюшкой придетъ
Въ красинькой рубашкѣ.
Или: (г. Акша. И. С.)
78. Ставь-ко мать самоваръ,
Золотыя чашки
Ко мнѣ милой мой придетъ
Въ вышитой рубашкѣ.
79. У тебя часы, галоши,—
У меня ботинокъ нѣтъ.
Есть ботинки на резинкахъ,
На высокихъ калбукахъ.
80. Я по улицѣ иду,
Сворочу на право,
Я къ миленочкѣ зайду,—
Имѣю полно право.
(С. Казаковское.)
81. Я по улицѣ иду,
Сворочу на лѣво,
Я къ миленку зайду,
Кому какое дѣло.
(с. Казаковское. г. Нерчинскъ.)
82. Я сегодня въ радостяхъ,—
Была у милаго въ гостяхъ.
Чай пила, обѣдала;
Миленка попровѣдала.
Чай пила я, булки ѣла,
Позабыла—съ кѣмъ сидѣла.
Вотъ, съ кѣмъ, да, вотъ, съ кѣмъ,
Съ писаремъ заводскимъ.
Чай пила я съ сухарями,
Домой пришла я съ фонарями.
(Тамъ-же.)

Однако и такой исходъ посѣщеній «миленка» часто не удерживаетъ влюбленную дѣвушку отъ сношеній съ нимъ и она лишь уговариваетъ его:

83. Милый мой червонный тузъ,
При народѣ не конфузъ;
Гдѣ нибудь на единѣ,
Чтобъ не стыдно было мнѣ.

Свои любовныя увлеченія молодые люди, особенно дѣвушки, скрываютъ отъ другихъ и, часто, долгое время даже самыя близкія лица незнаютъ объ этомъ.

84. Тамъ, тамъ по задамъ
Ласточки летаютъ,
Третій годикъ милый ходитъ,—
Маменька не знаетъ.
(С. Казаковское)
85. Тебѣ, мать, не поймать
Сѣраго утенка.
Тебѣ мать, не узнать
Моего миленка.
(г. Нерчинскъ.)

Свиданія происходятъ всегда гдѣ нибудь въ укромныхъ мѣстахъ, вдали отъ чужихъ взоровъ и или ночью или поздно вечеромъ.

86. На горѣ-то монастырь,
Подъ горой часовня
Я хотѣла погулять,—
Сегодня ночка темна.
87. У поленицы, у слегъ
Толковали про наслегъ.
У поленицы, у дровъ
Толковали про любовь.
(С. Казаковское.)

88. Милой мой, а я твоя.
Окинь полой замерзла я.
Ты окинешь хорошо,
Любить буду горячо.
(Тамъ-же.)

89. Ты постой в воротъ,
Помаша фуражкой.
Я теперичи твоя,—
Назови милашкой.
(П. Кулусутаевскій И. С.)

90. Милый мой, пойдѣмъ домой.
Скоро разсвѣтаетъ
По туманчику пройдемъ,—
Никто не узнаетъ.
(г. Нерчинскъ.)

Онъ въ свою очередь, старается всякими средствами склонить на любовь понравившуюся дѣвушку, для чего не скупится на подарки, угощенія и льстивыя похвалы ей.

91. Я гуляю день и ночь;
Люблю старостину дочь.
Старостина дочка
Хороша дѣвочка.
92. Ты Подгорна, ты Подгорна,
Широкая улица.
Полюби мена дѣвчонка,
Дорогая умница.
93. На столѣ стоитъ бутылка
Винограднаго вина;
За столомъ сидитъ милашка
Ненаглядная моя.
(С. Казаковское.)
94. Парень дѣвку полюбилъ,
На колѣнки посадилъ.
На колѣнки посадилъ
Попироской угостилъ.
95. Я свою хорошую
Робить не заставлю.
На вечерочку пойду—
Дома не оставлю.

Онъ влюбленъ такъ, что и недостатки ея воспѣваетъ:

96. Моя милка невысока на ногахъ,
Накопила много сала на бокахъ.
(Г. Нерчинскъ)
97. Ходитъ Шуна по песочку
Носитъ Маруню въ туезочки.
Роспокрышитъ—поглядитъ,
Поцѣлуетъ—убѣжитъ.
(П. Кулусутаевскій)
98. Я умѣю молотить,
Умѣю подмолачивать.
Умѣю дѣвушекъ любить,
Умѣю подвараживать.
(С. Карповка. И. С.)
99. Восемь лѣтъ я водки не пилъ,
Милка приневолила.
Во солдадушки пошелъ,
Милка приготовила.
(Г. Чита И. С.)

Часто молодые люди «увлекаются» дѣвушкой изъ за ея богатства, въ чемъ, конечно, и сознаются сами:

100. Шелъ я верхомъ,
Шелъ я низомъ.
У милашки домъ съ карнизомъ.
(Г. Нерчинскъ.)
101. Сколько Богу не молился,—
Во святыя не попалъ.
За богатою погнался,—
Свою бѣдну потерялъ,

У своей—то, я у бѣдной
Одну ночку ночеваль,
У богатой, у пархатой
Подъ окошкомъ простояль.

(д. Кумаки).

Такъ, часто, кончаются «ухаживанія» за богатыми. Зато бѣдную «онь» любить и жалѣть искренно:

102. Схожу я въ тѣ края.
Милку попровѣдою.
Моя милка чисто жнетъ,
Акуратно вяжитъ
Много горюшка несетъ,—
Ни кому не скажетъ.

(Нерчинскъ и с. Кокуй).

103. Покурилъ бы табачку,
Нѣтъ бѣлой бумажки.
Посмотрѣлъ бы по народу—,
Нѣтъ моей милашки.

(Г. Нерчинскъ)

104. У всѣхъ Сашки,
У всѣхъ Машки—
У меня милашки нѣтъ.
Куда скрылась? На тотъ свѣтъ.

105. Шелъ я на вечерочку.
Шелъ я торопился.
Мнѣ сказали милки нѣтъ,—
Назадъ воротился.

(Казаковское).

Онъ радъ, когда встрѣтится съ нею, до того, что и другихъ просить пѣть съ нимъ:

106. Пойте дѣвки, пойте всѣ!—
Я нашель милку въ овсѣ.

(Казаковскіе пріиска).

Не встрѣчаясь долго съ нею, онъ начинаетъ задумываться о томъ, что ужъ не разлюбила-ли она?

107. Неужели ты повянешь
Травонька шелковая?
Неужели ты разлюбишь
Моя чернобровая.

(пос. Савзатѣва).

Онъ ее ревнуетъ къ другому, а иногда ему кажется, что ее любятъ многіе.

108. Знаю, знаю кто ломаетъ
Черную смородину.
Знаю, знаю кто ласкаетъ
Мою чернобровую.

(Г. Чита И. С.).

109. Что это за рѣченька—,
Голуби купаются?
Что это за милочка?—
Всѣ въ нее влюбляются.

Надо рѣчку высушить,
Чтобы не купались
Надо милку присушить,
Чтобы не влюблялись.

(Поется по всему Вост. Забайкалью).

110. Не зачесывай зачесы
Кучерявая моя.
За твои кудри—зачесы
Бьютъ молодчика меня.

(Нерчинскъ).

(Окончаніе бутеть).

Осенніе мотивы.

1

Я былъ въ лѣсу одинъ. Кругомъ дубы стояли,
Густо поросъ бурьянъ между стволами ихъ
И вѣтви, шелестя, таинственно шептали
О пережитыхъ дняхъ чарующей весны...
То было осенью въ самомъ ея началѣ,
Когда листь пожелтѣлъ и лѣсъ ужъ опустѣлъ,
И отпечатокъ легкой грусти и печали
Надъ красотой природы тяготѣлъ...
Не слышно было звуковъ звонкихъ и пѣвучихъ,
Не разносило эхо голосовъ людей,
Одинъ предвѣстникъ дней унылыхъ и тягучихъ
Чиликалъ жалобно и хрипло воробей...
И чувство одиночества и боли жгучей
Наполнило всю грудь щемящею тоской,
И сѣвши на бревно подъ ивою плакучей,
Я перебралъ траву дрожащею рукой.
Хотѣлось мнѣ среди плевелъ негодныхъ, сорныхъ
Найти хоть что-нибудь пріятное на взглядъ,
Что бы напомнило букетъ цвѣтовъ отборныхъ.
Что бы разсѣяло идущей смерти чадъ!
Что бы напомнило красу весны и лѣта,
Ту пору радости и упоенья грезъ,
Когда такъ полно все веселаго привѣта,
И нѣтъ причинъ для муки, для горя и для слезъ!..

И, о, восторги!.. О, неожиданная радость!
Среди заглохшихъ старыхъ лопуховъ
Какимъ-то чудомъ уцѣлѣла младость
Послѣдній отпрыскъ полевыхъ цвѣтовъ...
То былъ цвѣтокъ и пышный и красивый,
Ласкавшій взоръ, струившій ароматъ,—
Возросъ онъ у корней подъ тѣнью ивы,
И былъ ему несказанно я радъ!...
И глядя на него мнѣ стало ясно,
Что красота, одна лишь красота,
Даже тогда волшебна и прекрасна,
Когда вокругъ и тлѣнъ и пустота!..

2.

И былъ я въ городѣ. Въ пыли, грязи во мракѣ
И въ дыму большой и шумный городъ утопалъ.
Лѣнливо лаяли дворовыя собаки,
И вѣтеръ жалобно на крышахъ завывалъ...
То было осенью, но ужъ въ концѣ ея,
Когда зима близка и очевидна,
И, заползая въ грудь, гнететъ тоска-змѣя
И больно такъ становится, обидно!..
А лица всѣхъ навстрѣчу шедшихъ мнѣ прохожихъ,
Носили слѣдъ отчаянья и злобы
И не встрѣчалось лицъ красивыхъ и пригожихъ,
А шли въ толпѣ едва что ни уроды..

Но вдругъ и здѣсь въ подборѣ неказистомъ,
При электричествѣ, (чего не ждалъ)
Я пораженъ былъ рѣдкимъ аметистомъ,
Сверкавшимъ дивно-ярко, какъ опаль!
Я удивленъ былъ дѣвы красотой,
Кристалльной, яркой, чистой, какъ алмазь,
Я пораженъ былъ кроткой добротою
Свѣтившейся изъ лучезарныхъ глазъ.
Была она цвѣткомъ среди бурьяна,
Что я въ лѣсу когда-то отыскалъ...
Напрасно бѣ въ ней порока иль изъяна
Завистливый, недобрый глазъ искалъ!..

И глядя на нее, я понялъ превосходство
Могучей красоты на фонѣ увяданья,
Способной затемнить невзрачїе уродства,
Развлечь, зажечь и заглушить страданья!..

А. Самбо.

Коллѣкцїя Даурскїя

ВЪЗНОЙ

(Наброски съ натуры).

Лѣто. Иванъ Долбоносоевъ, или Ванька Лодырь, какъ звала его деревня, лежалъ въ тѣни, за раскрытой дверью. Его супруга, тонкогубая, блѣднолицая Малаша сидѣла съ кумой Барсучихой уже за третьей байдарой.

Квинтилліоны мухъ кишѣли въ душной избѣ. Онѣ живыми черными обоями покрывали стѣны, тучами носились изъ угла въ уголъ, лѣзли въ ротъ, въ глаза и густо, торжественно шумели.

Пологрудыя бабы задыхались въ жарѣ, но байдарѣ съ жирнымъ карымскимъ чаемъ попуститься было выше ихъ силъ. Потъ лилъ съ нихъ потоками.

— Ой, дѣва, глушитъ то какъ,—вздыхаетъ Малаша, наливая Барсучихѣ десятый стаканъ:—Все-равно въ банѣ, о, Господи.

— Угу... Въ погребѣ бы сейчасъ,—мечтаетъ та, покорно принимая стаканъ:—ледку бы сейчасъ, кума? Угу...

Иванъ, который молчалъ все время, не выдержалъ.

— Я зналъ бы, куда вамъ его наложить,—замѣтилъ онъ, почесываясь:—Снѣгу бы еще пошовни двои вывалилъ.

Малаша только этого и ждала. Она обрадованно глотнула сразу полстакана и выпалила по мужу:

— Лежи ужъ, сатюкъ. Къ тебѣ не лѣзутъ, такъ и ты не суйся. Добраго то слова никогда не скажешь.

— Я что?—удивляется Ванька:—Я только насчетъ прохлады. Ты вѣдь клички то даешь. Подумаешь—же примиренно добавилъ:—Эхъ ты, карета.

Малаша не знала, что означаетъ это слово. Но что оно страшно оскорбительное,—она не сомнѣвалась. А потому, вся вспыхнувъ, Маланія сдѣлала второй залпъ по мужу, уже изъ пулемета:

— Черна те немочь то, облай экій! Тутъ живешь, какъ котеночекъ, ни одна птичка про тебя не споетъ, ни на одного вашего пса даже и не взглянешь, а въ добры не попадешь! Что я когда сдѣлала, что ты меня такъ при чужомъ человѣкѣ кастеришь? Съ кѣмъ я когда таскалась? Говори, змѣй, не пяль такъ шары то! Али ты думаешь, что какъ твоя сестра съ Онисимкой на покосѣ ночью бѣгала...

— Поѣхала,—плюнулъ Иванъ, снова ложась на спину:—Прорвало, теперь хоть пятникъ забивай! Поперла... Усь!

Маланья при послѣднихъ словахъ мужа даже икнула и, злостно убивъ на мокромъ лбу парочку влюбленныхъ,хватила по мужу цѣлой батареей:

— Я что тебѣ собака, что ли? Сестрѣ, иди уськай! Тетку поди натравляй. А я тебѣ не кто нибудь, не какая-нибудь потаскуха, что бы... Я ужъ семь лѣтъ замужемъ живу и ни одна птичка не споетъ...

А потомъ закрылась локтемъ и заголосила:

— Тутъ сномъ духомъ ничего незнаешь... Живешь какъ ангелъ, а онъ... У-у-у...

Иванъ опять поднялся на локтѣ и сдѣлавъ еще болѣе изумленное лицо, ухмыльнулся;

— Она что? Я только насчетъ пятника... у бочонка который... Ну, вродѣ какъ бы пробка...

— Тѣфу!—плюнула ему, черезъ три сажени, Маланья:—Тѣфу, безстыжіе, варнацкіе глаза твои!

Круглолицая Барсучиха, приспустившая для легкости кофточку, почла долгомъ вступить за честь подруги:

— Иванъ Меркульичъ, не браво какъ,—процѣдила она, стыдливо опустивъ глаза: Человѣкъ ты умственный, поученный, а родную жену какъ обижаешь... Ая-яй!

Иванъ раскрылъ ротъ, хотѣлъ что то возразить, но, посмотрѣвъ въ жирное плосколобое лицо Барсучихи, тяжело засопѣлъ и сердито толкнулъ ногою дверь:

— Идите вы къ Божьей матери... Ну и фургоны!

Несмотря на то, что дверь съ шумомъ захлопнулась, бабы разслышали послѣднее слово и набросились на обидчика съ такою бранью, что Лодырь не выдержалъ и перетащился съ постелью въ сарай.

Оставшись же одинъ, онъ долго чему то усмѣхался, а потомъ успокоился, забылъ сердитыхъ бабъ и заснулъ.

Когда онъ пришелъ на прежнее мѣсто, бабы все еще сидѣли за байдарой, но сердца ихъ уже отмякли: обѣ смѣялись, а Барсучиха оживленно рассказывала, какъ оскандалилась надняхъ Медвѣдиха. Замѣтивъ Ивана, онѣ съ красными лицами начали шептаться, а потомъ захохотали такъ, что Иванъ приподнялся на локтѣ:

— Ну и ржутъ! Ну и...

— Иванъ, чай будешь?—милостиво перебила его Малаша:—Сладкій, сейчасъ наливала.

— Дуэтите ужъ,—недовѣрчиво отозвался Иванъ. удивленный привѣтливостью супруги:—Авось лопнете.

Но Маланья только сверкнула глазами и опять зашептала съ подругой.

— Да что ты говоришь?!

— Вотъ не сойти съ мѣста,—торжественно перекрестилась Барсучиха, для большей убѣдительности, выпучивая и безъ того большіе глаза:—Въ гречухѣ.

«Кого это опять переворачиваютъ». подумалъ Иванъ, а потомъ, возмущившись перешептываніемъ бабъ и ихъ красными лицами, кинулъ черезъ порогъ:

— Ахъ и падлы! Ахъ и падлы!

Но бабы не обращали на него никакого вниманія. Иванъ поглядѣлъ на нихъ еще разъ, а потомъ махнулъ рукой и сталъ разглядывать небо, сплошь заставленное облаками, которые медленно двигаясь съ сѣвера на югъ, принимали подчасъ причудливыя формы.

Засмотрѣвшись, онъ и не замѣтилъ, какъ подошелъ Матвѣй Барсуковъ.

— Моя не здѣсь?—спросилъ онъ Лодыря. Но Иванъ схватилъ его за ногу и весь потянувшись къ небу, забормоталъ:

— Гляди ка, Мотъ, что вышло! Вонъ налѣво отъ чернаго, головастого то?

— Ивзаболъ!—изумился въ свою очередь и Бурсаковъ. опускаясь рядомъ съ хозяиномъ:—Какъ есть лошадь.

Мужики долго ахали надъ метаморфозой удивительной небесной лошади, которая обратившись сначала въ домикъ, выросла тотчасъ же въ дерево, а потомъ разорвалась на нѣсколько частей и разбѣжалась по небесной равнинѣ бѣлыми барашками.

Замѣтивъ мужа, Барсучиха сердито фыркнула,

— Заявился? И погостить то не дадутъ. Что тебѣ?

— Ись охота. Да и чушки сволочи—постановили.

— А воду привезъ?

— Привезъ.

— Дровъ накололъ?

— Иди.

Дѣловой разговоръ настроилъ на соответствующій ладъ и Маланью. Она отставила, наконецъ байдарку въ сторону и обратилась къ мужу:

— Ты когда же, Иванъ, на покосъ поѣдешь?

Иванъ молчалъ и сосредоточенно глядѣлъ въ небо.

Маланья вспылила:

— Его спрашиваешь по—человѣчности, а онъ, какъ свинья, уставурился въ небо! Ванька!—потянула она мужній рукавъ:—Слышишь?

— Отвяжись. Безъ тебя знаю. Не мѣшай мнѣ смотрѣть въ небо.

Это было слишкомъ.

— И какая же я несчастная женщина уродилась, — разом запричитала Малаша, отскочивъ, какъ мячъ: — У всѣхъ мужья—какъ мужья, а у меня... У-у-у... Какъ тебѣ людей—то хоть не стыдно... У людей то.. Вонъ Матвѣй какъ обходится съ женой, а ты? У-у-у...

— По твоей дудкѣ плясать, такъ ноги заболятъ,— безстрастно промолвилъ Иванъ:—По тому, какъ у тебя никакой головы на плечахъ нѣту... Ей-Богъ, щупай, не щупай—ничего нѣту.

Маланья сразу же перестала „дыгнить“, (какъ опредѣлялъ ее слезы мужъ). Она стала блѣдной и тихонечко спросила Лодыря:

— Опять воскресенья дожидаться? Опять бѣга?

— Отвяжись. Не твое дѣло.

— Какъ это не мое дѣло? Онъ капиталъ по вѣтру пускаетъ, а я, жена, слова не скажи.

— Кого я у тебя спустилъ?

— Мало тебѣ еще? Борохчана на святкахъ кто пробѣжалъ Василью? Чортъ? А на Пасхѣ каширика кто прокаталъ въ бабки? Совѣсть, ты совѣсть! Молчалъ бы хоть.

— А барануху кто въ карты выигралъ?—сильно повисилъ тонъ Иванъ:—Чортъ? тутъ такъ не помнишь!

— Ой, да будь ты проклятой!—почти запѣла Маша:—Да вѣдь ты ее съ картъ то прямо на покось увезъ. Самъ же сожралъ. Я даже и не поняла.

— Неужто?—мычитъ недовѣрчиво Иванъ.

— Да иди ты къ черной немочи! Еще Очирку то да Алешку Краснаго съ собой увезъ,—гм... на майданѣ работниковъ нашель! Сожрали! Да еще четверть винища вызыкали... Еще ночью Алешку то на Пѣганкѣ присылалъ.

— Зато ужъ и сѣна навихали,—пытается вывернуться Лодырь.

— Да ты что, Иванъ!—закричала пронзительно Маша:—Дуру, что ли изъ меня валяешь? «Сѣна навихали!» Тѣфу! Страму то сколько я изъ-за васъ приняла: пять копенъ втроемъ за недѣлю поставили, да заявили! Люди проходу не давали: «Но, какъ, Маланья, ваши покашиваютъ?»—Люди то вѣдь видѣли васъ. «Ужъ, нако, вторую сотню начали?» А—они пьянствуютъ! Хорошихъ людей нашель: Очирку, да Краснаго!

— Ты не смотри, что...—бурчитъ что то окончательно сраженный Лодырь, но Маланья сразу же сшибаетъ его съ послѣдней позиціи:

— Конишка то тогда чуть не запалилъ Алешка: прибѣжалъ весь въ мылѣ, бока то, у миленькаго, такъ и, ходятъ—„хозяйинъ велѣлъ. Черна те немочь то! Сила была бы, такъ я этого хозяина каждый день бичемъ возила!..

Иванъ крикнулъ, замолчалъ, легъ на спину и снова углубился въ созерцаніе неба. Довольная побѣдой, Маланья сѣла за столъ возлѣ Барсучихи и зароптала ровно, тихонечко, какъ бы останавливая послѣднія конвульсіи сраженного:

— А то, вонъ, лонись у зарода марьяжить выдумали.. Зародъ то чуть, анаемы, не спалили.

— Нако... съ твоего то не понимаютъ,—огрызается Иванъ, на котораго шопотъ жены дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ самая жестокая брань:—Дурнѣй тебя.

Попытался еще выбраться Лодырь, но всѣ—Маша, и Барсучиха, и Матвѣй видѣли, что онъ раздавленъ совершенно. Сіяющая Маланья дипломатично перемѣнила тему:

— Кума, выпьемъ еще байдарку?—предложила она ласково:—жарища какая.. все въ ротѣ пересохло.

— Матвѣй, ты подождешь?—освѣдомилась та.

Барсуковъ ничего не отвѣтилъ и съ досады положилъ за губу здоровенную лемешину.—«Бабье!»

Замолчали. Маланья возилась съ байдаркой.

— Шару то, кума, не бросай,—замѣтила Барсучиха:—Я новой день шару то не поѣмъ, такъ голова то турсукъ турсукомъ.

Матвѣй заерзалъ на порогѣ, чиркнулъ сквозь желтые зубы до свиного корыта, но ничего не сказалъ. Иванъ продолжалъ наблюдать облака,

— Баба, торопиться бы надо. Пospѣли, поди, ковриги то.. Кошенина ждетъ. Но.

— Сейчасъ,—отозвалась Барсучиха:—Вотъ выпью чашечку, да и пойдёмъ. Вотъ, живо.

Шумѣли монотонно мухи. Тоскливо перекликались пѣтухи. Гдѣ то лѣниво таякала собака. Завороженная зноемъ, оставленная мужиками, деревня, казалось спала на пригоркѣ. Изрѣдка подымался вѣтерокъ, тогда изъ лѣсу наносило спѣлою земляникой и какими то сладкими травами. Молитвенно пѣли мчавшіяся куда то мимо уха пчелы. Щebetали ласточки. Высоко, высоко плавалъ въ небѣ коршунъ. Солнце палило.

Вдругъ Иванъ опять схватилъ за ногу Барсукова.

— Смотри-ка, смотри-ка, Мотъ, что тамъ происходитъ!—закричалъ онъ, впиваясь въ небо:

— Смотри—колокольня?

— И взаболь...

Мужики опять уставурились въ небо.

Вдругъ Иванъ сѣлъ на постели:

— Видишь?—крикнулъ онъ: Кого—видишь?

— Вѣрно... вѣдьма.. Кака страшна!

— Это моя Малашка!—заревѣлъ Иванъ, забывшись:—Ишь носъ-то на бокъ... а пасть-то... а лапы-то кривы... точъ въ-точъ.. Видишь?

Но смотрѣть больше не пришлось. Маланья, славившаяся красотой, не могла снести такого кощунства и налетѣвъ бурей, какъ бурей-же, покрыла своимъ визгливымъ голосомъ всѣ остальные звуки.

— Ахъ ты, непутная ты тварина!—заголосила она:—Тутъ живешь, стараешься... Какъ бы все лучше, а онъ... Ни одна птичка... а онъ на ноги не ставитъ, ужъ хуже черта сдѣлалъ... У-у-у!.. И за какіе грѣхи ты мнѣ навязался! Загубилъ ты мою головушку... У-у-у!.. Охъ, ужъ и долушка-же мнѣ выпала...У-у-у

Иванъ, зная, что эта музыка заведена на долго, перекочевалъ въ сарайчикъ и заложился.

Маланья, лишившись слушателей, тоже пошла въ сарай, но не имѣя силъ сорвать заложку, долго била въ дверь ногой и палкой.

Иванъ не отложилъ.

Черезъ часъ пришла ласковая.

— Ваня,—сказала она въ щель ровнымъ голосомъ:

—я, не буду больше ревѣть. Пусти, я хочу съ тобой отдохнуть. Въ избѣ жарко.

— Хитру ша!—обрадовался Ванька и пошелъ отпирать двери.

С. Шиловъ.

Отъ Редакціи. Считаемо необходимымъ объяснить мѣстныя не всякому понятныя, слова (провіціалізмы), которыми пересыпанъ настоящій рассказъ.

Байдара—большой, до 1/2 ведра вмѣстимостью, глиняный горшокъ съ узкимъ дномъ и широкимъ верхомъ (устьемъ), въ которомъ готовится, чай карымскій (сливанъ).

Барануха—овца.

Борохчанъ—2—хъ лѣтній тѣленокъ-бычокъ.

Взаболь—и правда, въ правду.

Вызывать—выпить.

Дузлить—пить.

Дыгнить, монгольское—выть реветъ.

Живо—быстро, скоро.

Зародъ—стогъ сѣна.

Ись—ѣсть.

Карымскій или зеленый, монгольскій чай—особаго рода чай, даже не чай, а листья какого-то другого растенія спрессованные плитками («кирпичами»). Для питья готовится такъ: «Кирпичъ» высушивается въ печи затѣмъ разбивается на куски, которые толкутся въ ступкѣ и затѣмъ, по мѣрѣ надобности, берется для «заварки». О способахъ этой за-

варки и приправахъ къ «карымскому» чаю, въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Записокъ Любителя» будетъ дана специальная замѣтка.

Кастерить—бранить, поносить.

Каширикъ—годовалый телѣнокъ,

Кошенина—скошенная трава, еще не сгребенная въ копны.

Лемешина—табачная жвачка.

Марьяжить—играть въ карты.

Нако (однако)—здѣсь въ смыслѣ: кажется, должно быть, вѣроятно, навѣрное.

Новой (съ удареніемъ на второмъ слогѣ)—иной, другой.

Облай—оскорбитель бранными словами.

Очирка (уменьшительное Очиръ)—бурятъ—пастухъ извѣстный въ свое время въ Вост. Забайкальѣ пьяница и игрокъ.

Постановить—пристать съ просьбой, досадить навязчивостью.

Пошовни—ящикъ на полозьяхъ, служащій для вывозки навоза и снѣга,

Пятникъ—втулка, затычка у бочки или корчаги.

Сатюкъ—толстякъ.

Турсукъ—берестяный, сшитый, кузовокъ, напоминающій своимъ видомъ картонную коробку для шляпъ.

Уставуриться—уставиться взглядомъ въ одну точку, пристально смотрѣть на что нибудь.

Черная немочь—чума или холера. Здѣсь какъ брань.

Шара—чай, настой съ котораго выпить. Шару нѣкоторыя женщины ѣдятъ.

Новиковъ—Даурскій

Ночь надъ озеромъ.

Ночь. Вѣтерокъ не колышетъ,
Неподвижно стоитъ ближній лѣсъ;
Сномъ природа надъ озеромъ дышетъ,
Спитъ камышъ. Мѣсяцъ смотритъ съ небесъ.

И лучи его, блѣднымъ потокомъ
Пробираясь сквозь вѣтви деревьевъ,
Разстилаютъ въ просторѣ широкомъ
По водѣ серебристой покровъ.

Крѣпко дремлетъ тростникъ прибережный
И стоящій поблизости холмъ—
Все покрыто дремотою нѣжной,
Не тревоженъ и берегъ отъ волнъ.

Стали сѣти спускать въ глубину.
Рыбаки средь дремоты безмолвной
Плескъ воды огласилъ тишину:
Вдругъ откуда-то хлынули волны,

И нарушены грезы природы:
Зашептался камышъ межъ собой,
Всколыхнулись надъ озеромъ воды,—
Волны всплыли одна за одной...

Алеша Сибирякъ.

Осеннее.

Опять звучитъ въ душѣ моей
Мелодія тоски и увяданья...
И гаснетъ пылъ послѣдняго свиданья
Среди загубленныхъ аллей...

Кругомъ печаль... Кругомъ лишь слезы
И грусть о бѣлыхъ дняхъ весны...
Въ томленьи гибнуть тихо сны
И отцвѣтаютъ счастья грезы...

Василій Мясниковъ.

Хабаровскъ 1916г.

Сонъ подъ «Рошъ-Гашоно»*)

Разсказъ І. В. Трумпельдора.

Разсказъ этотъ былъ написанъ Трумпельдоромъ въ бытность его въ Японскомъ плѣну и помѣщенъ впервые въ № 16 издававшейся кружкомъ сіонистовъ—плѣнныхъ газеты «Деръ—Юдешеръ—Лебнъ» отъ 16/29 сентября 1905 г. Въ этомъ разсказѣ І. В. выявляетъ свою душу, искренно болящую за родной народъ и горѣчь сознанія своего безсилія помочь ему.

Новиковъ—Даурскій.

*) «Рошъ—Гашоно—еврейскій новый годъ.

Илья Бикманъ дома не жилъ между евреями, онъ вращался всегда въ русскомъ обществѣ. Онъ мало видѣлъ евреевъ, но много слышалъ о нихъ и о гоненіяхъ, которымъ они подвергались повсюду; плохо зная евреевъ, онъ всею душою любилъ ихъ за тѣ страданія, которыя приходилось переносить имъ. Еще мальчикомъ онъ мечталъ посвятить всю свою жизнь страдающему еврейству, и онъ бывалъ несказанно радъ, когда имѣлъ возможность оказать еврею какую—либо услугу. Когда онъ выросъ, его характеръ не измѣнился, по прежнему онъ много думалъ о томъ, какъ бы помочь евреямъ, какъ бы хоть немного скрасить еврейскую жизнь.

Въ 1903 году его взяли на военную службу; онъ былъ назначенъ въ полевую артиллерію. При его удивительной стойкости, служба не казалась ему, какъ другимъ, невыносимо тяжелой. Скоро начали войну съ Японіей, и онъ очутился въ Артурѣ. Онъ понималъ свои обязанности передъ отечествомъ и честно исполнялъ ихъ. Въ бою онъ не былъ трусомъ. Тяжелая, полная опасностей, боевая жизнь закалила его; но онъ остался такимъ же еврейскимъ патриотомъ, какимъ былъ и раньше. Одно происшествіе еще укрѣпило его въ этомъ: Онъ былъ на позиціи, которую цѣлыя сутки непріятель обстрѣливалъ своими громадными одинадцати—дюймовыми всеокрушающими снарядами; всѣ блиндажи и окопы были разбиты; три четверти защитниковъ перебиты и переранены. Остальная четверть, чудомъ спасаяся, была подкрѣплена свѣжими силами.

Къ утру ждали штурма. Комендантъ позиціи собралъ нижнихъ чиновъ, утомленныхъ дневною бомбардировкою и взволнованныхъ предстоящимъ штурмомъ; между ними былъ и Илья Бикманъ, который все время безстрашно являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Комендантъ сказалъ небольшую рѣчь; послѣднія слова ея были: „я надѣюсь на васъ, безстрашные герои! Вы не жиды и постоите за честь Россіи!“ Подъ утро начался штурмъ, который въ полдень—принялъ ужасающіе размѣры; были моменты, когда казалось, что врагъ овладѣетъ позиціей... Но къ вечеру все было отбито.

Илья Бикманъ, во время боя пораженной всѣхъ своею безумной отвагой, грустно понурившись, сидѣлъ въ ямѣ, вырытой японскимъ снарядомъ. Онъ думалъ о горькой судьбѣ евреевъ, и обидныя слова коменданта вертѣлись въ его воспаленномъ мозгу:

«Вы не жиды и постоите за честь Россіи!»

Часто, очень часто впослѣдствіи онъ думалъ о несправедливости этихъ словъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Артуръ былъ сданъ, и Илья Бикманъ вмѣстѣ съ другими очутился въ плѣну. Здѣсь онъ имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ евреямъ; кое—что поразило его, кой—въ—чемъ онъ немного разочаровался; но мысль о тысячекратныхъ невыносимыхъ страданіяхъ евреевъ поддерживала его самоотверженную любовь къ еврейству.

Черезъ нѣкоторое время изъ Россіи были получены пріятныя вѣсти о томъ, что евреямъ—артур-

цамъ предполагають дать всѣ права. Эта вѣсть сильно обрадовала его; хотя права были нужны ему самому, но онъ радовался не за себя; онъ зналъ, что цѣлая тысяча защитниковъ Артура будетъ выпущена изъ клѣтки, что эта тысяча вздохнетъ теперь полною свободою грудью. И онъ одинъ радовался такъ, какъ вся эта тысяча вмѣстѣ.

Тысяча свободныхъ евреевъ! Тысяча рѣдкихъ счастливицевъ! Какая радость для нихъ, для родныхъ, для знакомыхъ, для русскихъ евреевъ!...

Завтра „Рошъ—гашоно“. Илья Бикманъ прислушивается къ грустнымъ, тоскливымъ мелодіямъ еврейской молитвы, а хазенъ выводитъ ноты съ такимъ чувствомъ, такъ жалобно, будто хочетъ вылить въ нихъ всю свою душу. Цѣлый день въ ушахъ Ильи Бикмана звучатъ эти ноты. Ему слышится въ нихъ тысячекратнее неизмѣримо-глубокое еврейское горе. И на душѣ у него замираетъ сладостное, тоскливое чувство; оно такъ пріятно, что ему хочется, чтобы это продолжалось безконечное время. Съ этими чувствами онъ засыпаетъ. И снится ему что „Рошъ—Гашоно“ прошло, всѣ грѣхи были выложены наружу; Богу возсылали горячія мольбы о прощеніи, и прощеніе, навѣрное, будетъ. Сегодня пришло официальное сообщеніе, что еврей-артурцы получаютъ всѣ права русско-подданныхъ. Артурцы ликуютъ; они устроили цѣлый пиръ: произносятся горячія рѣчи, поются веселыя пѣсни и радостно громко прославляется полученная свобода. Илья Бикманъ здѣсь же. Онъ тоже говоритъ, поетъ и веселится. Его громкій ликующій голосъ сливается съ голосами пирующихъ и со звономъ посуды; все это вмѣстѣ образуетъ смутный тяжелый гулъ. Издали кажется, что это волнуется море и никакія силы не въ состояніи будутъ сдержать его восторженныхъ бѣшенно-радостныхъ порывовъ. Но вотъ медленно тихо открывается потолокъ, и является ангелъ. Незримый онъ останавливается посрединѣ и печальнымъ взглядомъ окидываетъ пирующихъ. Тѣ не видятъ его и продолжаютъ шуметь. Тогда ангелъ голосомъ полнымъ любви и грусти говоритъ имъ:

„Остановитесь и слушайте!“

Все моментально стихаетъ. Всѣ останавливаются и начинаютъ прислушиваться. И когда смолкъ гулъ голосовъ и звонъ посуды, они ясно услышали плачь и стоны какихъ-то страдальцевъ.

„Это ваши братья, евреи,—сказалъ ангелъ,—Они не получили никакихъ правъ; имъ попрежнему тѣсно и они давятъ другъ друга.“

Была мертвая тишина. Пирующие, молчали и не двигались съ мѣста; казалось,—они застыли на немъ. А ангелъ продолжалъ говорить. Его мягкій чарующій голосъ достигалъ самыхъ сердецъ и будилъ въ нихъ сокровенныя струны.

Затѣмъ ангелъ махнулъ рукой и тихо, безъ шума, стѣна барака отодвинулась въ сторону.

„Смотрите“,—сказалъ онъ.

— Передъ глазами артурцевъ явились старья, хорошо извѣстныя, но все же потрясающія, картины страдающаго Израиля.

Вотъ идутъ еврейскіе дѣти и юноши, они блѣдны и худы; въ каждой чертѣ ихъ лица сквозятъ бессонныя ночи. Они малы, но серьезное страданіе уже свѣтится въ ихъ глазахъ. Они идутъ съ поникшими головами.—«Ихъ, какъ евреевъ, не приняли въ школы»,—говоритъ ангелъ.

Дѣти проходятъ. Появляются еврейскія женщины съ младенцами на рукахъ. Младенцы горько рыдаютъ, а матери, желая утѣшить ихъ, наклоняются къ нимъ; но не выдерживаютъ и сами начинаютъ жалобно плакать.

«Это,—говоритъ ангелъ,—еврейскія семьи, оплакивающія свою печальную участь въ чертѣ осѣдлости“.

Проходятъ и семьи. На смѣну имъ появляются голодные и оборванные еврейскіе рабочіе, за ними идутъ еврей-ремесленники. Одна картина смѣняется

другой, болѣе ужасной. Вотъ они собираются всѣ вмѣстѣ и толпой направляются къ пирующимъ.

«Хлѣба! дайте хлѣба!»—шепчутъ младенцы и матери.

«Свѣту! побольше свѣту!»—молятъ дѣти и юноши. „Правы! Дайте правы!“ кричатъ рабочіе и ремесленники. И всѣ вмѣстѣ они протягиваютъ къ пирующимъ исхудалыя блѣдныя руки и громко зываютъ:

«Помогите!... Спасите!...»

Бикманъ проснулся. Онъ былъ весь въ поту, и что-то тяжелое давило ему горло, а въ ушахъ не переставая шумѣло:

„Помогите!... Спасите!“

Женщина.

Женщина—греза, мечта, вдохновенье,
Радость, услада, заманчивый бредъ...
Женщина—слабость, расходъ, разоренье
Праздность, забава, излишекъ и вредъ.

Женщина—дружба, любовь, упованье,
Спутница жизни, подспорье въ нуждѣ,..
Женщина—ноша, обуза, страданье,
И безтолковый помощникъ въ трудѣ.

Женщина—міра всего половина,
Двигатель жизни, могучій рычагъ...
Женщина—кукла, трещетка, машина,
Мельница мысли, помѣха и врагъ.

Женщина—лучшая наша награда
За добродѣтель, геройство и честь...
Женщина идолъ, которому надо
Разумъ, осмысленность въ жертву принести...

Въ дорогѣ

Разсказъ Г. П. Трохина*)

Посвящаю любящему свою родину—Сибиряку Антону Сорокину

Авторъ

Въ половинѣ третьяго пополудни мы выѣхали изъ поселка расположеннаго близъ желѣзной дороги, по направленію къ казачьей станицѣ, гдѣ должна быть ярмарка.

Небо хмурилось. Облака густѣли. Накрапывалъ дождикъ.

Впереди насъ, скрипя и постукивая колесами, медленно двигались впередъ нагруженные товаромъ еоза; тутъ были простыя крестьянскіе тѣлеги и двух—колесныя, киргизскія таратайки. Извозчики, шедшіе рядомъ съ возами, сердито покрикивали на лошадей.

Дорога шла черезъ засѣянное крестьянское поле. Навстрѣчу намъ попадались парныя нѣмецкія фуры, съ высоко накладенными снопами пшеницы. Забравшись на верхушку воза, мужичокъ вожжами понукалъ лошадей, видимо торопясь поскорѣе добратся до мѣста, а вдаль, близъ опушки лѣса, крестьяне торопливо накладывали снопы на фуры, спѣша убраться до дождя; видно было, какъ быстро, отъ дружной работы, выросли воза. Весь хлѣбъ съ корня былъ снятъ и по всему полю густо стояли скирды, а меж-

*) Авторъ книги: Среди „Баши-бузуковъ“ изданіе Сытина. М.

ду ними, желтѣя ровной, густой щетиной, торчала жнива.

Вскорѣ крестьянскія поля миновали, и мы выѣхали на войсковой (казачій) участокъ. Густой буро-зеленаго цвѣта ковыль разстилался по полю; отъ вѣтра онъ склонился въ одну сторону и лежалъ мягкой постелью, а изъ, него, выдѣляясь, чопорно распутивши верхушки сухими, почерневшими и уже отжившими былинками, торчалъ морковникъ. *)

Близъ дороги, на полянѣ, одиноко отъ другихъ березъ, будто сиротинка, стояла молодая березка. Она, какъ бы отъ испуга передъ наступающей морозной осенью, поблѣднѣла и, пугливо вздрагивая, тихо качалась изъ стороны въ сторону и, холодными дождевыми каплями, скользившими по ея вѣтвямъ и бѣлому стволу, какъ будто плакала о своемъ погибающемъ зеленомъ, кудрявомъ уборѣ; пожелтѣвшіе, блѣднорумяные, такъ недавно-жизнерадостно-зеленевшіе и ласкавшіе взоръ проѣзжаго путника, листочки на ней замирали, тряслись, дрожали... и, отрываясь падали на землю.

Сумрачный, угрюмый стоялъ въ сторонѣ пожелтѣвшій березовый лѣсъ. Сѣрой, неприглядной казалась степь.

Небо все больше хмурилось и хмурилось. Облака густѣли и густѣли. Дождь шелъ все сильнѣй. По гладко накатанной скользкой отъ грязи дорогѣ обозъ двигался съ трудомъ. Мы, всѣ измокшіе, еле передвигали ноги; идя съ боку дороги, кони напрягали силы и тяжело дышали, а впереди насъ ползла, копошилась буросѣрая масса,—гуртъ «шпанскихъ» овецъ около двухъ тысячъ головъ. Чабаны, закинувъ долгія «ярлыги» (палки) на плечи, измокшіе подъ дождемъ, потихоньку гнали гуртъ на «тырлы» (стойла). Овцы, опустивши головы, покорно шли за своими пастухами. Начинало темнѣть. Мрачная сентябрьская ночь спускалась на землю, и тьма поглощала все окружающее. Вскорѣ люди, воза съ конями и стоявшія по сторонамъ дороги березки скрылись въ темнотѣ. Жутко стало на душѣ.

II

Проѣхавши около двадцати верстъ, съ большимъ трудомъ добрались мы до озера, лежащаго въ восьми верстахъ отъ станицы. У озера, близъ дороги, мы увидѣли горѣвшій огонекъ.

Свернули съ дороги и подѣхали къ огоньку, рассмотрѣли нѣсколько отпряженныхъ возовъ съ арбузами; неподалеку паслись кони. Три «киргизина» сидѣли на разостланной кошмѣ подъ таратайкой-сверху отъ дождя укрытой кошмой, неподалеку подъ телѣгой лежалъ старикъ переселенецъ. Мой извозчикъ киргизъ нурманъ, и попутчикъ, среднихъ лѣтъ, довольно развитой, торговецъ рѣшили тутъ переночевать. Сидѣвшіе подъ тѣлегой киргизы ужинали съ большимъ аппетитомъ,—безъ ложекъ голыми руками ѣли только что сварившійся «баурсакъ». Дождикъ пріостановился, мы отпрягли коней и подошли къ киргизамъ. Старшій изъ киргизъ, освободивши набитый баурсакомъ ротъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ, въ перемежку путая русскія фразы со своимъ нарѣчіемъ, проговорилъ:

— Нурманъ съ хозяиномъ, Аманъ!**)

— Аманъ! отвѣтилъ Нурманъ.

— Ночевать остановились,—замѣтилъ мой спутникъ,—а успѣемъ завтра пораньше добраться до станицы на ярмарку, какъ бы намъ не опоздать, мѣста захватимъ...

— Зачѣмъ хозяинъ зря скажишь?—лошадка, малъ-малъ кормимъ, полночь пора встаемъ, лошадка за-прежемъ-раньше свѣтъ тащимъ твоя арбузъ на ярмарка. Садись наша баурсакъ ашай*—привычными пальцами захвативъ изъ котелка нѣсколько кусковъ баурсака и обмакнувъ въ топленое масло, онъ быстро попожилъ въ ротъ, и съ трудомъ проглотивъ,—облизалъ языкомъ масляные пальцы,—«баурсакъ джексы» ашай, садись! Ашай съ киргизомъ грихъ

никакой нѣтъ. Бухъ-алла, адинъ, вѣра туйко разный» Убѣжденный въ правотѣ своего сознанія, онъ съ увлеченіемъ заговорилъ о вѣрѣ.—Надо жить на землѣ хорошо, вся люди равнѣй—твоя нанялъ моя арбузъ на ярмарка тащить,—мы тащимъ,—хозяину надо работать хорошо, лошадка жалѣть надо, лошадка тащилъ воза малъ-мала отдыхать ей надо давать, кармить надо, обижать твоя—мая не надо. Бухъ—Алла адинъ—вѣра только разный. Вашъ есть пупи—нашъ есть мулла.—Вашъ пупи по своему Бухъ молится—нашъ мулла по своему Алла молится. Хорошо будешь дѣлать, мулла Алла молится, и тамъ Алла дастъ хороша, онъ указалъ пальцемъ къ верху, свѣтъ отъ горѣвшихъ дровъ освѣщаль его смуглое скуластое лицо съ плоскимъ лбомъ. При яркомъ свѣтѣ огня лицо казалось мѣдно краснаго цвѣта и серьезное, а узкіе, черные глаза устремленные къ верху, свѣтились радостно, увѣренно, что гдѣ-то-тамъ въ неизвѣстной загробной жизни послѣ смерти ему дѣйствительно жить будетъ хорошо. Остальные два киргизенка, на видъ котормъ можно дать не болѣе 16 лѣтъ, тупо смотрѣли на насъ и добродушно улыбались.

Добродушная улыбка киргизятъ и желаніе погрѣться возлѣ огонька на насъ пріятно подѣйствовали, усталость какъ рукой сняло и мы присѣли на разостланную киргизами кошму и, незамѣтно для самихъ себя, увлеклись разговоромъ.

— Да, Хасмулла, Богъ одинъ и вѣра должна быть одна,—бесѣдовалъ мой спутникъ на тѣму киргизина, и люди должны быть одинаковаго убѣжденія, если будемъ мы здѣсь на землѣ хорошо жить по Божьи, обижать не будемъ одинъ другого и присваивать въ свою собственность то, что Богъ сотворилъ для всѣхъ, то и тамъ намъ будетъ хорошо безъ молитвъ вашего муллы или нашего попа, а если худо будемъ дѣлать, то никакія молитвы вашего муллы и нашего попа не спасутъ насъ.

— Обижать хозяинъ не надо, вотъ тогда хорошо будемъ жить, какъ русской малъ-мало былъ тутъ—намъ было хорошо: земля наша много было,—трава хорошій была, зимой лошадка по снѣгу гулялъ—кошатамъ снѣгъ капалъ и трава ашаль; лошадка, корова, баранъ много наша была, лѣсъ былъ густой, березка высока, самай середина лѣса зимой хорошо зимоваль, тихо было—вѣтра тамъ не было; лѣсъ нашъ киргизъ берегли—если парнишка полѣзетъ на березка за вороней гнѣзда, старшій киргизъ его бранить, лазить не велить, на березка сучка ламать не велѣлъ. Вотъ нашъ киргизъ лѣсъ берегъ, и жить хорошо была—лѣсъ было прямой хорошій, какъ пришолъ Сибирь хохоль—переселенца, земля наша отнималъ, лѣсъ казна взяла, объѣзчикъ поставили караулить, а объѣзчикъ вѣсь лѣсъ кончалъ,—одинъ маленьки березки остались; теперь земля наша мала, лѣсъ плохой,—трава плохой вода лѣтомъ мала: кончалъ лошадка, коровка, баранъ коза кормить нечимъ-много кончалъ. А ты хозяинъ напрасна скажишь, если намъ мулла Бухъ молится и тамъ хорошо жить не будетъ, намъ мулла самъ Бухъ давалъ, онъ и молится за насъ.

— Собака твоя мулла давалъ, а не Богъ! съ бранью воскликнулъ изъ подъ телѣги старикъ-переселенецъ, повидимому ненавидѣвшій киргизъ, слышавшій нашъ разговоръ.

— А вашъ пупи шайтанъ довалъ! вспылить на него киргизъ.

Врешь, голоухая собака! самого тебя шайтанъ давалъ! У насъ въ православной вѣрѣ отъ Аарона идетъ рукоположеніе на священниковъ! а Ааронъ былъ первосвященникъ, братъ Моисея, а Моисей самъ съ Богомъ на горѣ Синайской говорилъ.

— А нашъ мулла самъ пророкъ Магометъ клалъ рука—а Магометъ святы была самъ Бухъ-Алла говорилъ,—все больше горячился киргизинъ...

Ты што, старикъ, зря скажишь? какой собака наша мулла давалъ, я сейчасъ твоя башка канчай! кричалъ въ свою очередь киргизъ Нурманъ! У молодыхъ киргизятъ злостью заискрились глаза...

*) Сорная трава изъ зонтичныхъ

**) Ашай—ѣсть. Аманъ—здорово.

Ссора могла кончиться дракой и навѣрное старику попало бы отъ киргизъ—да мой спутникъ вступился.

Старикъ, ты первый замолчи. Вѣдь ты сначала оскорбилъ муллу, чего Вамъ тутъ дѣлать-то?, ты старикъ вѣруй въ своего попа и въ своихъ святыхъ, а вы, Хасмулла и Нурманъ, вѣруйте въ своего муллу и Магомета.

Г. П. Трухинъ.

Пѣсня Прапорщика

Вотъ вспыхнуло утро и выстрѣлъ раздался,
Шрапнели посыпались градомъ на насъ.
Надъ нашимъ окопомъ снарядъ разорвался...
Поднялись крики и стоны средь насъ.

Вотъ прапорщикъ юный, со взводомъ пѣхоты
Старается знамя полка отстоять.

«Эй, братцы, въ штыки!

«Здѣсь не мѣсто пощады:

«Не страшно за родину намъ умирать...!!!»

На родинѣ-жъ тихо молила невѣста:

«Спаси, Божья Матерь, спаси ты его

«Спаси для меня Ты, Творецъ нашъ небесный!

«О, если убьютъ, мнѣ не жить безъ него».

Вотъ бой прекратился, земля покраснѣла,
Враговъ мы угнали къ далекой рѣкѣ...

И утромъ мы только нашли его тѣло....

И знамя держалъ онъ въ застывшей рукѣ....

Когда предъ невѣстой открылася правда,

Она поступила сестрой въ лазаретъ;

Отъ бѣдной тогда отлетѣла отрада;

Казался постылымъ и бѣлый ей свѣтъ;

И часто молилась надъ братской могилой,

Молилася тамъ, гдѣ лежалъ нашъ герой.

«Скоро споютъ намъ обоимъ мой милый.

«Вѣчную память и вѣчный покой.»

Стихотвореніе это прислано изъ дѣйствующей
арміи однимъ прапорщикомъ-благовѣщенцемъ.

Желаніе

Душа полна томительнымъ терзаньемъ,

Мучительно встревожена она,

Волнуетъ мысль тревожное сознанье—

Тяжелый бичъ-всемірная война.

Съ тоской на сердцѣ, трепетнымъ волненьемъ,

Съ горячими слезами на глазахъ

Слѣжу за каждымъ варварскимъ движеньемъ—

На обогрѣнныхъ кровію мѣстахъ.

И хочется невольно превратиться

Въ волшебную-молниеносную струю,

Надъ вражьемъ станомъ грозно разразиться,

Разсѣять мракъ, неволю и вражду.

И хочется увидѣть міръ свободнымъ,

Страхнувшимъ власть металла-серебра,

Увидѣть въ жизни тягостной, народной

Блаженство счастья, мира и добра.

Альионъ.

Овцеводство въ Амурской обл.

Года 2—3 тому назадъ кр-не д. Новая-Селитьба, Вознесенской вол. посовѣтовавшись между собою, рѣшили завести у себя овцеводство.

Сначала купили овецъ нѣсколько человекъ болѣе богатыхъ, а потомъ начали покупать и тѣ, кто побѣднѣе.

Въ настоящее время въ деревнѣ имѣется около 500 шт. овецъ.

(Ал. Л.)

Языкъ эсперанто въ Сибири.

Въ Барнаулѣ 31 января священникъ Сѣрышевъ прочелъ въ 1 женской гимназіи для учениковъ среднихъ училищъ докладъ объ эсперанто. Одновременно въ этой же гимназіи докладчикомъ была устроена эсперантская выставка, состоявшая изъ эсперантскихъ книгъ, брошюръ, журналовъ, пропагандныхъ листковъ, путеводителей и т. д. Вечеромъ того же дня о. Сѣрышевъ сдѣлалъ этотъ же докладъ въ городскомъ училищѣ. Благодаря этимъ докладамъ въ городѣ появилось нѣсколько кружковъ для изученія эсперанто.

Въ Читѣ австрійскій военноплѣнный Таубманнъ руководитъ третьимъ курсомъ эсперанто, который имѣетъ большой упѣхъ.

(„Жизнь для Вс.“)

Алтайскій Миндаль. Въ Алтай, въ системѣ Иртыша и Бухтармы, преимущественно по южнымъ склонамъ сопокъ, какъ сообщаетъ «Жизнь Алтая», встрѣчаются густыя заросли кустарниковаго растенія—миндаля. Весной растеніе цвѣтетъ розовыми душистыми цвѣтами и сопки становятся розовыми отъ обилія миндальнаго дерева. Въ концѣ августа и началѣ Сентября на деревѣ созрѣваетъ мягкій пушистый плодъ, напоминающій кусочекъ кошмы, закутывающій очень крѣпкую косточку, внутри которой находится горько—душистое зерно. Крестьянскія дѣти собираютъ миндаль и ѣдятъ. Результатъ обычно сказывается скоро: у поѣвшаго начинается рвота, болитъ голова. Отравленіе происходитъ синильной кислотой, находящейся въ зернѣ миндаля. уничтожаютъ горьчъ въ миндалѣ такъ: кладутъ его въ корчагу и ставятъ «парить» на весь день въ печь, послѣ чего миндаль дѣлается сладкимъ и его уже можно безнаказанно ѣсть. Каково будущее алтайскаго миндаля? Суждено ли ему только отравлять ребятъ, неумѣренныхъ въ ѣдѣ, или, обезвреженный онъ устремится на рынокъ. Можетъ быть, садоводы сумѣютъ привить къ нему сладкій миндаль и тѣмъ улучшить породу. Въ обычныхъ условіяхъ (на Алтай) миндальное дерево достигаетъ аршина полтора высоты, но гдѣ снѣга зимой выпадаетъ больше, тамъ оно значительно выше: до 2—2¹/₂ аршинъ иногда достигаетъ до 1 сажени въ высоту. По деревнямъ миндаль извѣстенъ подъ именемъ «персика» «орѣшка».

Необходимо обратить вниманіе специалистовъ на алтайскій миндаль.

(«Сиб. Ж.»)

На старообрядческомъ соборѣ въ Москвѣ, открывшемся 21 августа на Рогожскомъ кладбищѣ, на уральскую кафедру былъ избранъ настоятель томскаго монастыря архимандритъ Амфилохій. О. Амфилохій уже не разъ избирался на епископскую кафедру, но онъ постоянно отказывался отъ нея. Въ виду этого, соборъ рѣшилъ немедленно командировать въ Томскъ

четырёхъ депутатовъ отъ уральской епархіи,—двухъ священниковъ и двухъ мирянъ,—и убѣдить о. Амфилохія принять епископскую кафедру. Въ случаѣ согласія о. Амфилохія, по окончаніи собора, въ Томскѣ выѣдутъ изъ Москвы епископы Антоній пермскій, Іосифъ иркутскій и Іосифъ томскій для нареченія и хиротоніи во епископа о. Амфилохія.

— Государь Императоръ въ 16-й день августа сего года Всемилостивѣйше соизволилъ предоставить Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Николаевичу званіе почетнаго старика Стрѣтенской станицы Забайкальскаго казачьяго войска.

«Ал. Л.»

Десять заповѣдей японскаго солдата.

Въ ранцѣ убитаго подъ Циндао японскаго солдата недавно найдена маленькая книжка, имѣющая видъ школьнаго учебника. Въ ней изложены въ стихотворной формѣ десять главнѣйшихъ правилъ жизни, заучаемыя наизусть учениками японскихъ школъ. Вотъ эти правила:

I. Основаніемъ всѣхъ добродѣтелей является законность. Поэтому нужно относиться къ священной особѣ императора съ глубочайшимъ почтеніемъ и служить отечеству съ неизмѣнною преданностью.

II. Слѣдуетъ окружать родителей нѣжными заботами, постоянно помня объ ихъ любви къ намъ и о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя они намъ оказываютъ въ нашемъ дѣтствѣ.

III. Братья и сестры, какъ члены одной и той же семьи, должны взаимно любить другъ друга и жить въ согласіи.

IV. Каждый человѣкъ долженъ трудиться, любить добро, ненавидѣть зло и обращаться одинаково какъ съ друзьями, такъ и съ посторонними.

V. Удерживаться отъ лжи—значитъ идти путемъ истины. Старайтесь же быть правдивыми и указывайте другъ другу ваши ошибки и недостатки.

VI. Изучая прошедшее, лучше понимаешь настоящее. Развивайте въ себѣ стремленіе къ умственному и нравственному развитію.

VII. Укрѣпляйте въ себѣ чувство жалости и любви и старайтесь всѣми силами утѣшить людей, находящихся въ горѣ.

VIII „Болѣзнь,—говоритъ пословица,—входитъ черезъ ротъ“. Поэтому относитесь внимательно къ тому, что вы ѣдите и пьете.

IX Поддерживайте въ себѣ благородную гордость и старайтесь возвышать свою душу, несмотря на то, что обстоятельства иногда унижаютъ ее.

X. Исполняйте въ точности завѣты предковъ. Заботьтесь о чести вашего дома и вашей родины.

(Сб. Р. и Ин. Л.)

Ислѣдованія, изученія и обслѣдованія.

Министръ земледѣлія командируетъ въ Японію для ознакомленія съ постановкой тамъ сельскаго хозяйства извѣстнаго спеціалиста А. И. Беграмова. вмѣстѣ съ нимъ въ Японію выѣзжаетъ гласный московской городской думы Н. В. Щенковъ. Возможно что къ нимъ присоединятся представители крупныхъ торгово—промышленныхъ предпріятій и общественныхъ организацій.

(Ал. Л.)

Нужна

дѣвочка лѣтъ 12—13 для домашнихъ услугъ,

Амурская, 72. Спросить въ библиотекѣ.

Другу.

Я усталъ, милый другъ, отъ чрезмѣрныхъ потугъ—
Сковать счастье себѣ многогранное,
Изнемогъ отъ невзгодъ, что терпѣлъ каждый
годъ,

Обративъ свою жизнь въ поле бранное.
И созналъ, наконецъ, что терновый вѣнецъ
Даль въ удѣлъ мнѣ Божественный Геній...
Но не жалеюся я... Самъ себѣ—судія,
Не ищу я ничьихъ сожаленій...
Жизнь моя—вся юдоль, непрерывная боль,
Жизнь моя—эта пытка терзаній!..
Ничего нѣтъ страднѣй прожитыхъ мною дней—
Но не жди отъ меня ты признаній!
Только ты обѣщай, слово крѣпкое дай,
Что когда моя жизнь прекратится—
О погибшей душѣ будешь часто въ душѣ
На могилѣ моей ты молиться!

А. Самбо.

Отрывокъ

Вкушая свѣжесть аромата,
Я шель тропинкою лѣсной...
Природа сномъ была объята,
Царилъ торжественный покой.

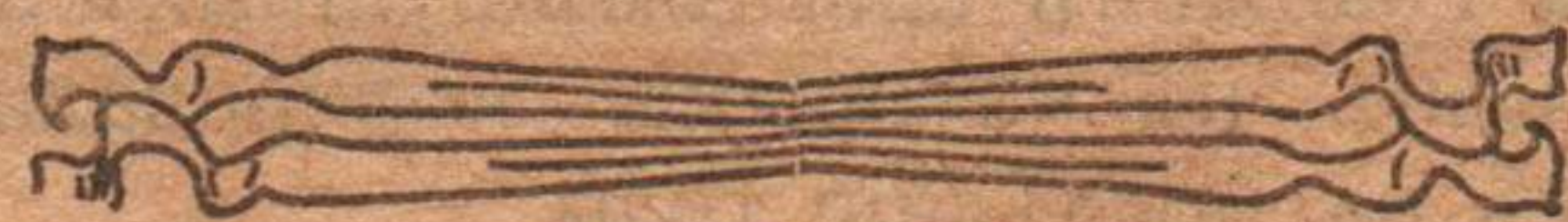
Мой взоръ, блуждая въ небосводѣ,
Звѣзду волшебную искалъ,
Искалъ въ чарующей природѣ
Блаженства трепетный сигналъ.

Искалъ въ созвѣздіи небесномъ
Среди блуждающихъ огней
Сигналъ божественный, чудесный
Любви восторженной моей.

Альионъ.

Какъ плавали наши предки.

При несовершенствѣ мореходныхъ инструментовъ и плохомъ знаніи морскихъ наукъ, плаванія предковъ нашихъ отличались обиліемъ курьезовъ, случавшихся особенно съ коммерческими судами у побережій Восточнаго океана и Охотскаго моря. Въ прошломъ столѣтіи бывали случаи, что судно изъ Охотска до Аляски шло ровно три года, а нѣкоторыя и вовсе не доходили, попадая въ совершенно противоположную сторону. Не имѣя понятія о лавировкѣ и пользуясь только попутнымъ вѣтромъ, мореплаватели принуждены были весьма часто носиться по волѣ вѣтра и теченія, не зная даже въ которой сторонѣ долженъ находиться ближайшій берегъ. Въ путевыхъ запискахъ лейтенанта Давыдова (1802 г.) разсказывается, наиримѣръ: „Одинъ мореходъ въ крѣпкой вѣтеръ взошелъ на Камчатскій берегъ и столь счастливо, что рѣдкій валъ достигалъ до судна. Разбудивъ начальника, сказали ему, что судно на землѣ. Тогда недоумѣніе состояло въ узнаніи мѣста гдѣ находились: въ Японіи или Америкѣ; но пришедшій поутру солдатъ сказалъ, что они близъ Большерѣзка“.

Осень.

Проходитъ лѣтній зной... Ужъ время листопада...
 Уже природа шлетъ прощальный свой привѣтъ.
 Желтѣютъ лепестки и въ воздухѣ прохлада,
 И солнце словно прячетъ животворный свѣтъ.
 Ужъ осень настаесть... И холодно и жутко,
 И одиночества тоскою ты объять...
 Хладѣетъ въ жилахъ кровь... Больное сердце чутко.
 Разсѣются мечты и мысли улетятъ...
 Изчезнетъ то, что счастьемъ нѣкогда казалось,
 И жизни скажешь ты послѣднее, прости,
 И все, что отъ другихъ тобою такъ скрывалось
 Въ могилу ты съ собой захочешь унести.

Гончаровъ.

Библиографія

Сибири и Дальняго Востока.

Шрейдеръ, А. Ф. Паденіе пушного промысла въ Сибири, причины его и мѣры къ поднятію. Стран. 23 форматъ 17 см. Серія. «Сибирская библиотека» № 8. Изданіе кн-ва «Ирисы.» Иркутскъ. 1916 г. цѣна 15коп.

Содержаніе книжечки объясняется ея заглавіемъ, Авторъ знакомитъ въ своемъ очеркѣ съ цифровыми данными, свидѣтельствующими о прогрессирующем паденіи пушного промысла и о постепенномъ исчезновеніи «драгоценности нашей Сибири»—соболя, и другихъ, видовъ пушного звѣря, затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя на причинахъ вліяющихъ на паденіе промысла, изъ которыхъ, какъ на главныя, указываетъ на: «палы», лѣсоистребленіе, хищническую и несвоевременную охоту и переселеніе (послѣднее несетъ съ собой всѣ перечисленные факторы уменьшенія дичи въ лѣсахъ Сибири). Главною если не единственной мѣрой къ сохраненію пушныхъ звѣрей и пушного промысла г. Шрейберъ считаетъ устройство раціональныхъ питомниковъ-зоопарковъ для цѣнныхъ звѣрей, указывая на нѣкоторые опыты въ этомъ дѣлѣ, устройство же такихъ „заповѣдниковъ“, какіе существуютъ уже теперь (вродѣ Ямаровской дачи въ Забайкальѣ), не достигаетъ цѣли, въ чемъ нельзя не согласиться съ г. авторомъ. Мѣры къ поднятію нашего пушного промысла г. Ш. видитъ въ организаціи кредита для нашихъ купцовъ въ Лондонѣ и созданіи тамъ аукціона для продажи пушнины съ условіемъ отмѣны всѣхъ ограниченій въ этомъ дѣлѣ, затѣмъ (это намъ кажется главнымъ), по мнѣнію Ш., необходимо созданіе крупной паевой организаціи для выдѣлки и окраски мѣховъ, необходима отмѣна привилегій и патентовъ въ отношеніи изготовленія химическихъ красокъ; выдача ссудъ подъ залоги пушнины и, наконецъ, открытіе при російской экспортной палатѣ особаго справочнаго пушного бюро.

Очеркъ снабженъ спискомъ пушныхъ звѣрей, съ указаніемъ цѣнъ, по которымъ котировались шкуры на ярмаркахъ за послѣдніе годы.

Новиковъ-Давурскій

Рецензіи, заимствуемая изъ другихъ изданій.

Дмитріевъ-Маломоновъ, А. Н. и Здѣарскій, А. Ф. (Редакторы). Путеводитель по великой Сибирской желѣзной дорогѣ. Съ 2 фототипіями, 360 фото-типогравюрами, 4 картами Сибири и 3 планами городовъ. 600 стран. іп. 1/4 л. Изданіе министерства путей сообщенія. Спб. 1900 г.

Скоро заканчивается постройка великаго Сибирскаго пути и министерство путей сообщенія очень своевременно издало путеводитель по сибирской дорогѣ. Какъ съ своей внѣшней стороны, такъ и по своему содержанію путеводитель этотъ—изданіе у насъ небывалое. Это не обычное у насъ расписание желѣзно-дорожныхъ линій съ указаніемъ прихода и отхода поѣздовъ, это—полное, богато иллюстрированное описаніе всего желѣзно-дорожнаго пути, ярко характеризующее весь пересѣкаемый имъ край,—всѣ живущіе на его пути народности. Этотъ громадный, роскошно изданный томъ (въ 600 стр. in quarto) снабженный массой сибирскихъ видовъ и типовъ инородцевъ, является въ то же время полнымъ справочникомъ, заключающимъ въ себѣ всѣ подробности о движеніи поѣздовъ. Великъ сибирскій путь, и описать его такъ подробно и интересно былъ тоже великій трудъ. Изданіе это является цѣннымъ вкладомъ въ нашу очень бѣдную «путеводительскую» литературу, и значеніе его будетъ расти съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ развитія по великому Сибирскому пути.

(Еж. лит. прил. „Нивы“, 1900 г. № 3.)

Ф. Купчинскій.—Новая Японія издательство „Посѣвъ“

Книжка эта принадлежитъ перу небезызвѣстнаго военнаго корреспондента въ Портъ—Артурѣ, попавшаго въ японскій плѣнъ во время неудачной попытки—на пятый мѣсяць осады—проплыть на китайской джонкѣ въ Инкоу и прожившаго до вольно долго въ качествѣ военно—плѣннаго въ Японіи. Описаніемъ этого неудачнаго путешествія по морю и эпизода встрѣчи съ японскими судами и начинается книжка. Въ дальнѣйшемъ авторъ въ довольно легкихъ и безпритязательныхъ очеркахъ описываетъ страну и различныя стороны японской жизни и быта японцевъ. Безъ особо строгой послѣдовательности говоритъ онъ о японскомъ языкѣ, о воспитаніи дѣтей, сословіяхъ, религіи, медицинѣ, торговлѣ и т. д. и т. д. Это бѣглыя замѣтки туриста, не особенно подготовленнаго теоретически къ изученію страны; но читаются онѣ не безъ удовольствія и пользы, во всякомъ случаѣ безъ затрудненій. Фельетонистъ и любитель короткихъ строчекъ и лишннихъ словъ сказывается въ авторѣ на многихъ страницахъ; но онъ не лишенъ наблюдательности. Послѣднія главы посвящены Сахалину и описанію печальной участи Кореи.

Довольно интересны замѣчанія автора о противоправительственномъ движеніи въ Японіи и о популярности тамъ Толстого. Нѣсколько особнякомъ отъ описательной части стоитъ глава XVI—„По Японіи въ разгаръ войны.“

Авторъ на основаніи личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ японской жизнью, настойчиво съ японской жизнью, настойчиво совѣтуетъ намъ внимательнѣе относиться къ ознакомленію съ этой страной. Книжка снабжена эскизными рисунками, очень талантливо исполненными.

1911г. №81 «Голосъ Москвы.»

Книги присланныя для отзыва.

Сорокинъ, Антонъ. Таланты Сибири и золото, Памфлетъ. Стран. 12. Рисунокъ. 2 въ текстѣ и 3 на обложкѣ. Форматъ 17 см. Изданіе автора. Омскъ (1916). Цѣна не указана.

ПЕРЕПИСКА

Отвѣты Редакціи.

А. И. Рыслеву. Алексѣевскъ. Сердечно благодаримъ за присылку вашей открытки и за желаніе помочь нашему журналу.

Редакція съ большимъ удовольствіемъ дастъ мѣсто всякимъ матеріаламъ присланнымъ Вами для напечатанія и весьма рада будетъ полученію вашихъ статей и снимковъ.

В. Мясникову. Хабаровскъ. Ваши стихотворенія печатаемъ. Не найдется ли чего у васъ въ прозѣ. Желательно примѣнительно къ программѣ журнала. «Записки Любителя» вамъ высылаются. Если не получили какіе нибудь номера—сообщите,—дошлемъ.

Н. Р. Косичину. Здѣсь. Ваша статья съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, будетъ помѣщена въ № 8. За присылку образцовъ благодаримъ.

Неизвѣстной, приславшей частушки. Здѣсь. Будьте добры, сообщитѣ ваше имя и адресъ, безъ этого не можемъ помѣстить въ журналѣ присланный Вами матеріалъ, хотя и находимъ его весьма интереснымъ и, кстати, сообщите: всѣ—ли присланныя Вами частушки записаны здѣсь и не списаны—ли изъ книгъ? Адресъ и фамилія Ваши въ журналѣ напечатаны не будутъ, если Вы не желаете, а нужны редакціи для свѣдѣнія.

Редакторъ-Издатель Г. С. Новиковъ.

Объявленія.

Во вновь организуемое кооперативное товарищество для изданія газеты

„Восточная Почта“

приглашаются товарищи-пайщики.

Предварительная запись производится въ редакціи журнала „Записки Любителя“, а также приглашаются сотрудники и корреспонденты для газеты „Восточная Почта“.

Исполненіе всевозможныхъ типографскихъ работъ по цѣнамъ внѣ конкуренціи.

ПЛАНЪ И ВИДЫ

Города Благовѣщенска на Амурѣ.

Предлагаетъ книжный и писчебумажный магазинъ

Т-ва ШАЛОНИНЪ и К-о.

Большая ул. противъ Почты телефонъ № 545.

Къ свѣдѣнію уважаемыхъ заказчиковъ:

При магазинѣ имѣются хорошо оборудованные:
ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ И МАСТЕРСКАЯ

Штемпельнаго производства съ большимъ ассортиментомъ матеріаловъ.

Телеграфный адресъ Благовѣщенскъ Шалонину.

ПРОДАЕТСЯ
весьма доходное дѣло
Спросить книжная торговля
„ОБРАЗОВАНИЕ“

Большая улица.

Нужна прислуга

дѣвица.

Торговая 10.

Открыта подписка на газету

„Алексѣевскій Листокъ“

Выходитъ ежедневно въ гор.
Алексѣевскѣ.

Подписная цѣна: На годъ — 10 р. — к.
полгода — 5 р. 50 к.
3 мѣс. — 3 р. — к.
1 мѣс. — 1 р. — к.

Подписка принимается: Въ г. Алексѣевскѣ
въ конторѣ газеты, Князе-Алексѣевская ул.,
д. И. И. Фролова, рядомъ съ аптекой; въ
пос. Алексѣевскомъ въ книж. маг. „Про-
свѣщеніе“; въ г. Благовѣщенскѣ въ конто-
рѣ журнала „Записки Любителя“.

Продается участокъ съ домомъ и кузнечной мастерской.

Амурская улица, № 208.

Продолжается подписка на 1916 годъ

на двухнедѣльный журналъ

„ЗАБАЙКАЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

издаваемый Забайкальскимъ обществомъ сель-
скаго хозяйства.

Вступая въ 5-й годъ изданія, «Забайкальскій Хозяинъ» ставитъ по прежнему своей задачей распро-
страненіе сельско-хозяйственныхъ знаній среди на-
селенія области и выясненіе нуждъ мѣстнаго сель-
скаго хозяйства и другихъ связанныхъ съ нимъ
отраслей.

«Забайкальскій Хозяинъ» имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:
Статьи (по сельскому хозяйству и коопераціи), Путь
войны, Сельско-хозяйственная и областная хроника,
Корреспонденціи, Разныя извѣстія, Полезныя замѣтки,
вопросы и отвѣты, библиографія, (отзывы о книгахъ).

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, въ
размѣрѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная плата, вслѣдствіе сильна-
го вздорожанія бумаги и увеличенія
стоимости типографскихъ работъ на-
значается съ пергсылкой

Три руб.

Подписка принимается въ г. Читѣ въ конторѣ редак-
ціи: уголъ Песчанской и Благовѣщенской ул., д. Фе-
гельмана, для иногороднихъ-же адресъ такой: г. Чита,
почтовый ящикъ № 57 журнала «Забайкальскій Хо-
зяинъ».

Редакторъ А. Баньщиковъ.

Издатель: Забайкальское Общество Сельскаго
хозяйства.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ „ОБРАЗОВАНИЕ“

Овчинникова.

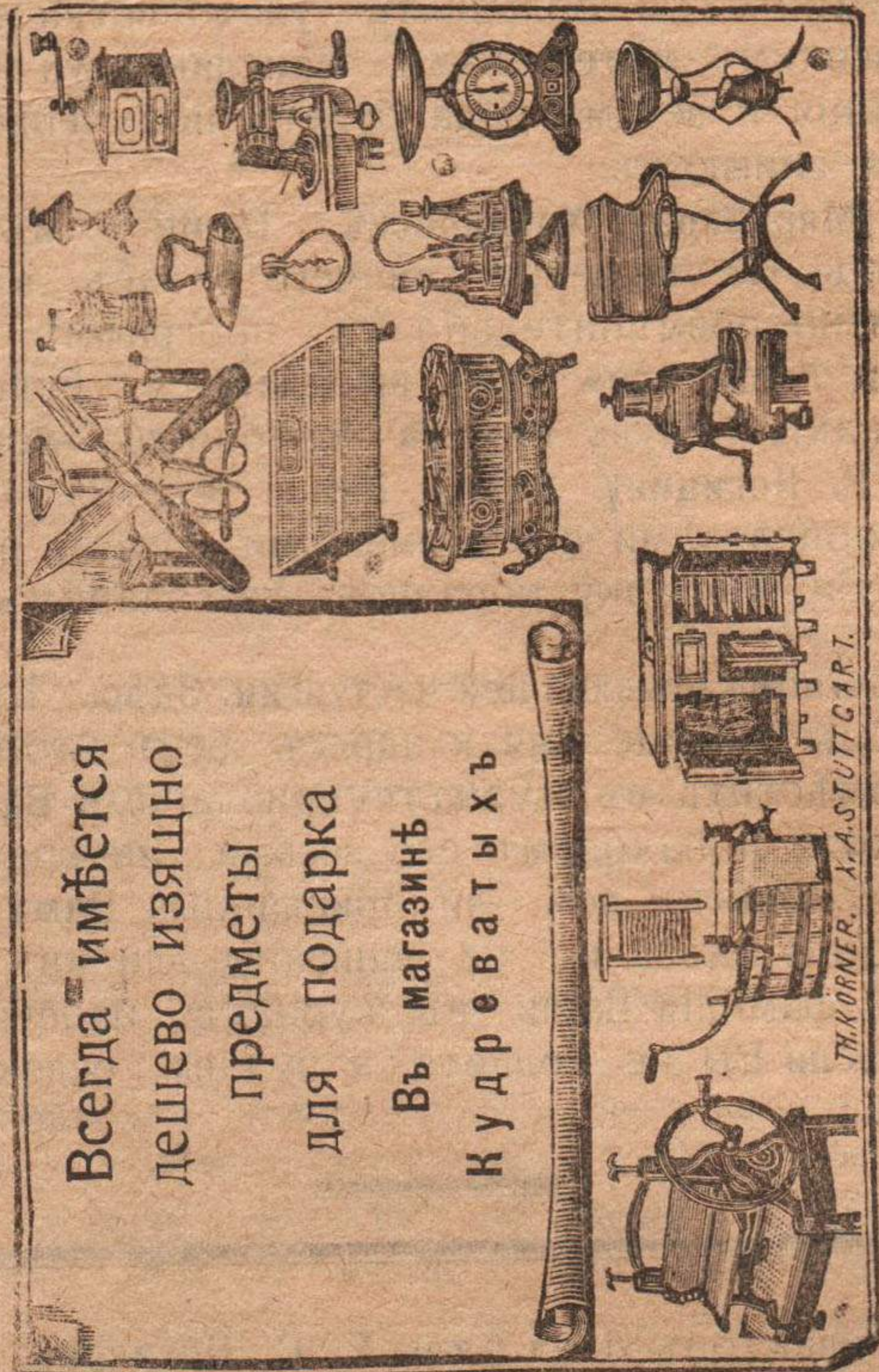
Благовѣщенскъ н/Амуръ Большая уголь Торговой.

Книги по всемъ отраслямъ знаній.

Учебники для сред. и низшихъ учебн. заведеній.

Покупка и продажа подержанныхъ книгъ и учебниковъ,

Столичные газеты и журналы.

Всегда имѣется
дешево изящно
предметы
для подарка
Въ магазинѣ
Кудреватыхъ

TRIKORNER, A.A.-STUTT G.A.R.T.

Продается мало- держанный велосипедъ

по очень сходной цѣнѣ. Спро-
ситъ въ конторѣ типографіи Т-ва
«Печатное Дѣло», Торговая, 10.

Отъ редакціи.

Рукописи, присылаемые для по-
мѣщенія въ журналъ «Записки
Любителя», если не обозначены
условія гонорара, считаются без-
платными.

Принятая рукописи могутъ
быть сокращаемы и измѣняемы, а
не принятая возвращаются авто-
рамъ только по полученіи почто-
выхъ марокъ на пересылку.

Натуральная минеральная
ВОДЫ:

Эссенции №№ 17, 18, 20 и 4,
НАРЗАНЬ
БОРЖОМЪ.

Фотографическую бумагу

Целлоидинъ-матъ въ дестяхъ.
Бумагу въ пакетахъ и откры-
тыя письма для дневной работы,
не требующія специального ви-
ражъ-фиксажа, а окрашив. въ
растворъ поваренной соли. Бро-
мо серебряныя открытки (пакет-
ты въ 100 штукъ).

САПОГИ
мужекіе
Сарапульскіе.

Получилъ Тор. Домъ И. Я. Чуринъ и К-о.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916—1917 ГОДЪ.

(Подписной годъ считается съ 1 іюля по 1 іюля).

На новый двухнедѣльный иллюстрированный научно-популярный и литературный журналъ.

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Издающійся въ городѣ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

ПО ЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Научно-популярныя статьи по естествознанію, этнографіи, географіи, исторіи Сибири и Дальнаго Востока.
- 2) Повѣсти, рассказы, стихотворенія изъ сибирской и дальневосточной жизни.
- 3) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія изъ печати (только имѣющія отношенія къ задачамъ журнала.)
- 4) Библиографія Сибири и сопредѣльныхъ странъ Дальнаго Востока.
- 5) Переписка съ читателями по вопросамъ коллекціонированія, наблюденій природы, библиографіи и всякихъ любительскихъ занятій.
- 6) Объявленія.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: 1) Способствованіе изученію Сибири и Дальнаго Востока въ областяхъ есте-
ствознанія, географіи, этнографіи и исторіи. 2) Объединеніе любителей—ислѣдователей и кол-
лекціонеровъ въ цѣляхъ лучшаго и болѣе правильнаго приложенія ихъ трудовъ.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала, Благовѣщенскѣ, Амурская ул., 72,
противъ 1-го городского Почтово-Телеграфнаго отдѣленія, а такъ-же при Типографіи Т-ва
„Печатное Дѣло“ Торговая ул. № 10. Телефонъ № 40. Редакторъ-Издатель Г. С. Новиковъ.

Подписная цѣна: На годъ 3 руб. на полгода 1 р. 70 к. 3 мѣсяца 85 к. отдѣльный номеръ 15 коп.
Объявленія за одинъ разъ: 1 страница 20 руб. 1/2 стран. 10 руб. 1/4 стр. 5 руб. 1/8 стр. 2 руб.
50 к., строка 15 коп., многократныя и на обложкѣ по соглашенію.

ОБЩЕСТВО

Бесплатной Дѣтской Библіотеки-читальни
имени Л. Н. ТОЛСТОГО.

Толстовская Дѣтская безпл. библіотека-читальня

Просить читателей, задержавшихъ книги, озаботиться о незамедлитель-
номъ возвращеніи ихъ.

Въ случаѣ потери или порчи книги просьба уплатить ея стоимость не
медленно.

Взамѣнъ утерянной или испорченной книги принимаются другія книги если они хорошей сохранности,
безусловно пригодны для дѣтскаго чтенія (что выясняется библіотекаремъ) и равноцѣнны замѣняемой книгѣ.

Деньги за книги уплачиваются библіотекарю, который въ полученіи ихъ выдаетъ квитанцію.

Пожертвованія книгами и деньгами принимаются съ благодарностью.

Библіотека—читальня находится въ домѣ Трусова, № 72 по Амурской улицѣ.

Въ непродолжительномъ времени выйдеть въ свѣтъ и поступитъ въ продажу

ПЛАНЪ - СПРАВОЧНИКЪ г. Алексѣевска

и линіи АМУРСКОЙ жел. дороги изданія книжнаго магазина „Просвѣщеніе“.

Планъ будетъ изданъ въ большомъ размѣрѣ, съ новыми названіями улицъ въ видѣ альбома, въ изящной обложкѣ.

Кромѣ того, на оборотѣ плана и по сторонамъ вокругъ него, будутъ помѣщены объявленія и подробный указатель казенныхъ учреждений, торгово-промышленныхъ и другихъ предпріятій г. Алексѣевска, пос. Алексѣевского (Суражевки) и станцій Амурской жел. дороги.

Объявленія, а также адреса предпріятій для помѣщенія въ планъ-справочникъ, принимаются въ книжномъ магазинѣ „Просвѣщеніе“ (поселокъ Алексѣевскій (Суражевка, Большая улица); плата по соглашенію.

Розничная цѣна плана-справочника будетъ 75 коп. за экземпляръ; оптовымъ покупателямъ скидка 25%.

Желающіе заблаговременно сдѣлать заказъ плановъ-справочниковъ благоволятъ обращаться въ Алексѣевскъ „Посредникъ“. Въ г. Благовѣщенскѣ въ конторѣ журнала „Записки Любителя“.

Издательство книжный магазинъ „Просвѣщеніе“.

Продолжается подписка

на издающуюся въ г. Благовѣщенскѣ н/Ам. ежедневную (кромѣ послѣпраздничныхъ дней) газету

„Амурское Эхо“

Подписная цѣна: на полгода 6 руб. 50 коп.
 » 3 мѣсяца 3 руб. 75 коп.
 » 1 мѣсяць 1 руб. 35 коп.

Редакція и контора помѣщаются въ г. Благовѣщенскѣ по Графской ул., д. Пендзинской, телефонъ № 350.

Редакторъ-издатель *Ал. М. Бродовиковъ*.

Фотографія К. Табата

Гор. Благовѣщенскъ на Амурѣ. Большая ул. домъ № 82. Противъ театра „Миражъ“

Исполняетъ всевозможныя фотографическія работы.

ПРИ ФОТОГРАФІИ ЦИНКОГРАФІЯ

которая изготовляетъ всевозможныя работы какъ-то: клише штриховые и автотипные для газетъ, журналовъ, книгъ, брошюръ и пр. и фотоцинкографическія снимки на металлѣ. (Рекомендуется для памятниковъ).

Въ добросовѣстномъ исполненіи работъ уважаемую публику прошу посѣтить и убѣдиться лично.

Съ почтеніемъ *К. Табата*.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ

— и —

Футлярно-Картонажная Мастерская

Петра Ив. Пантелѣева.

(Амурская ул., № 161, во дворѣ).

Принимаетъ всякія переплетныя работы, какъ простыя учебныя и библиотечныя, такъ и роскошныя конторскія, кабинетныя и альбомныя. Изготовляетъ всякаго рода картонажныя и футлярныя издѣлія.

Исполненіе скорое, Аккуратное и прочное. Условія выполненія работы, принятія мастерской, гарантируются.

Торговый Домъ
НЕБЕЛЬ И К-О.

Въ г. Благовѣщенскѣ.

Отдѣленіе въ поселкѣ Алексѣевскѣ.

Имѣетъ въ продажѣ въ большомъ выборѣ:

СКЛАДЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИЪ:

Плуги козульки,
Плуги съ сидѣньемъ,
Мотаузы,
Вѣялки,

Жнейки «Осборнъ»,
Сноповязки «Осборнъ»,
Сѣнокосилки «Осборнъ»,
Грабли конныя «Осборнъ»,

Куколеотборники,
Приводы конные,
Молотилки,
Запасныя части.

СКОБЯНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Строительныя, Прісковыя, Пароходскія, Электрическія товары.

ПОСУДНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Посуда фарфоровая, эмалированная, стеклянная и пр. ЛАМПЫ настольныя, висячія, кухонныя и Ламповое стекло къ нимъ въ большомъ выборѣ Кухонныя принадлежности.

ПИСЧЕБУМАЖНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Бумага почтовая,
Пишущія машины,
Книги конторскія,
Иконы и лампадки.

Рыболовныя принадлежности,
Дорожныя вещи,
Спортивно-садовыя игры,
Охотничьи принадлежности.

Торговый Домъ
КУНСТЪ И АЛЬБЕРСЪ

въ Г. Благовѣщенскѣ.

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

 Сѣнокосилки, грабли, сноповязалки,

Обыкновенныя ЖАТКИ

и

СНОПОВЯЗАЛЬНЫЙ ШПАГАТЪ.

завода

„Макъ Кормикъ“

и всѣ прочія земледѣльческія машины и орудія.

ЗАПАСНЫЯ ЧАСТИ имѣются постоянно на складѣ въ большомъ выборѣ.

Всѣ машины имѣются такжѣ въ нашихъ

ОТДѢЛЕНІЯХЪ: въ г. Алексѣевскѣ и въ с. Александровскомъ.

и С.-Х. складахъ: въ с. Ивановскомъ и въ д. Тамбовкѣ.

ПЕРВАЯ
ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ
ТИПОГРАФІЯ
Т-ва „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“

Арендована у М. Т. Хворовой.

(Торговая ул. д. № 10, Телефонъ № 40).

За аккуратное и изящное исполненіе заказовъ **РУЧАТЕЛЬСТВО**. При типографіи переплетное и ливовальное отдѣленія. Срочные заказы выполняются въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Цѣны много ниже **мѣстныхъ**.

Принимаются всевозможныя типографскія заказы.

ПЕЧАТАНИЕ: книгъ, брошюръ, конторскихъ книгъ, разныхъ бланковъ, счетовъ, писемъ, конвертовъ, визитныхъ карточекъ, **АФИШЪ**, этикетовъ и др. **ПЕРЕПЛЕТЪ:** учебниковъ, конторскихъ книгъ, журналовъ, брошюръ и проч.

Въ типографіи всегда имѣются изготовленныя для продажи расчетныя присковыя, судовыя заборныя и др книжки,

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ
пароходскія и присковыя бланки